

Фрейд Зигмунд Случай Человека-Крысы filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Фрейд Зигмунд Случай Человека-Крысы.

Заметки об одном случае невроза навязчивости. (Случай Человека-Крысы)

З.Фрейд. 1909 г.

I. Выдержки из истории болезни.

Молодой человек университетского образования обратился ко мне по поводу своего состояния, которое заключалось в том, что он с детских лет страдал от obsessions, причем особенно интенсивно – в последние четыре года. Главной особенностью его расстройства были страхи, что что-то может случиться с двумя людьми, которых он очень любил – с его отцом и с женщиной, которой он восхищался. Кроме того, он страдал от компульсивных импульсов; одним из таких, например, был импульс перерезать себе горло бритвой; еще он создавал себе запрещения, иногда в связи с довольно незначительными вещами. Он напрасно потратил годы, рассказывал он мне, в борьбе с этими идеями, и за это время пропустил много чего существенного в жизни. Он испробовал различные способы лечения, но ничто не принесло ему хоть какой-нибудь пользы, за исключением курса гидротерапии в санатории около ---; и это только потому, как он полагал, что он завел там знакомство, которое позволяло ему вести регулярную половую жизнь. Сейчас у него не было возможностей подобного рода, он редко вступал в сексуальные взаимоотношения, и с нерегулярными интервалами. Он чувствовал отвращение к проституткам. В общем, сказал он, его сексуальная жизнь остановилась; онанизм играл незначительную роль в ней, когда ему было 16 или 17 лет. Его потенция была нормальной; первый завершённый коитус он имел в 26 лет.

Он произвел на меня впечатление здравомыслящего и практичного человека. Когда я спросил его, почему он сделал такое ударение на вопросах сексуальной жизни, он ответил, что знает о моих теориях. На самом деле, однако, он не читал ни одной из моих работ, за исключением одного раза, когда он очень быстро перелистал страницы одной из моих книг и набрел на объяснение любопытной вербальной ассоциации (Zur Psychopathologie des Alltagslebens, 1904), которая напомнила ему одно из его собственных “мысленных усилий” и, в связи с этим, он решил передать себя в мои руки.

(а) Начало лечения.

На следующий день я связал его обещанием подчиниться одному и единственному условию лечения, а именно – говорить все, что придет ему в голову, даже если это будет неприятно ему, или покажется неважным или иррелевантным или бессмысленным. Затем я разрешил ему начать с чего он хочет, и он начал так (Последующее основывается на записках, делаемых мной вечером в день сессии и воспроизводит слова пациента по памяти настолько возможно точно. Я чувствую себя обязанным предложить предостережение против практики записывать за пациентом во время лечения. Это приводит к дефициту внимания у терапевта и причиняет пациенту больше вреда, чем может быть компенсировано пользой от возрастания точности воспроизведения его истории болезни.):...

У него был друг, говорил он мне, о котором он был исключительно высокого мнения. Он всегда приходил к нему, когда его тревожили некоторые криминальные импульсы, и спрашивал друга о том, презирает ли тот его как преступника. Друг оказывал ему моральную поддержку, заверяя в том, что считает его человеком безупречного поведения; и, вероятно, его прогрессирующей привычкой с юных лет было видеть свою жизнь в темных тонах. Ранее, продолжал он, другой человек имел на него похожее влияние. Это был девятнадцатилетний студент (ему самому было 14 или 15 лет), который повышал его самооценку в такой невероятной степени, что он начинал себе казаться чем-то вроде гения. Этот студент затем стал его учебным куратором, внезапно изменил свое поведение и начал обходиться с ним, как с идиотом. Затем он заметил, что студент интересовался одной из его сестер, и заключил, что считает – студент сблизился с ним только для того, чтобы получить доступ в дом. Это было первым большим ударом в его жизни.

Затем он продолжил без всякой связи:

(б) Инфантильная сексуальность

“Моя сексуальная жизнь началась очень рано. Я могу вспомнить сцену четвертого или пятого года моей жизни. (Начиная с шестого года я помню все.) Сцену эту я вспомнил довольно отчетливо несколькими годами позже. У нас была прелестная молодая гувернантка, которую звали фройляйн Петер (Peter) (Д-р Альфред Адлер, бывший аналитик, однажды обратил внимание в частном письменном сообщении на особую важность самого первого сообщения пациента. Здесь пример этого. Первые слова пациента подчеркивают значение

испытанного им влияния со стороны мужчин и относятся к той роли, какую в его жизни играл гомосексуальный выбор объекта; но сразу за этим он касается второго лейтмотива, который приобрел позже огромную важность, а именно, конфликта между мужчиной и женщиной и противоположности их интересов. Даже тот факт, что он вспомнил свою первую гувернантку по ее фамилии, которая совпадает с мужским именем, должен быть принят во внимание в этой связи. В кругах среднего класса в Вене принято называть гувернанток по их именам, по именам их обычно и помнят.). Однажды вечером она лежала на диване легко одетая и читала. Я лежал около нее и попросил ее разрешить мне купить парфюм сапон и подлезть к ней под юбку. Она сказала, что я могу, если никому не скажу об этом. На ней почти ничего не было, и я нащупал ее гениталии и нижнюю часть тела, и они произвели на меня очень странное впечатление. После этого у меня осталось глгучее и мучительное любопытство видеть женское тело. Я могу припомнить интенсивное возбуждение, с которым я ожидал в Купальне (куда мне еще позволяли ходить с гувернанткой и сестрами), когда гувернантка разденется и войдет в воду. Я могу припомнить больше деталей, начиная с шести лет. В то время у нас была другая гувернантка, также молодая и симпатичная. У нее были нарывы на ягодицах, которые она имела обыкновенно обнажать ночью. Я страстно ожидал этого момента, чтобы удовлетворить свое любопытство. Это было как тогда в Купальне – хотя фройляйн Лина (Lina) была более осторожна, чем ее предшественница”. (Отвечая на вопрос, который я вставил, “как правило”, – пациент сказал мне: “Я не спал в ее комнате, а, главным образом, с моими родителями”). “Я вспоминаю сцену, которая должна была иметь место, когда мне было семь лет. (Пациент, следовательно, допустил, что эта сцена случилась одним или двумя годами позднее.) Мы сидели вместе однажды вечером – гувернантка, повариха, другая служанка, я и мой брат, который был на 18 месяцев моложе меня. Молодые женщины разговаривали, и я внезапно осознал, что фройляйн Лина говорит: “Я могла бы делать это с маленьким; но Пауль (Paul) (это был я) слишком неуклюжий, и у него наверняка ничего не выйдет”. Я не вполне ясно понял, что это значит, но почувствовал пренебрежение и заплакал. Лина успокоила меня и рассказала про девушку, которая что-то такое делала с маленьким мальчиком, за которым она ухаживала, и ее посадили в тюрьму на несколько месяцев. Я не думаю, что она делала мне что-то плохое, но я занимался с ней великим распутством. Когда я ложился с ней в кровать, я раскрывал и трогал ее, а она не возражала. Она была не очень умна, но ее сексуальные устремления были очень сильны. В 23 года у нее уже был ребенок. В конце концов, она вышла за его отца, и теперь она – фрау Хофрат (Hofrat) (Австрийский титул “hofrat” обычно присуждается известным терапевтам, юристам, университетским профессорам, государственным служащим и т. д. Возможно, он эквивалентен титулу рыцаря в современной Англии). Даже теперь я часто вижу ее на улице.

“Когда мне было шесть, я уже страдал от эрекции, и я знаю, что однажды я пришел к матери жаловаться на это. Я знаю также, что, делая это, я переживал дурные предчувствия. У меня было чувство, что имеется некая связь между этим предметом и моими идеями и любопытством, и тогда у меня была болезненная идея, что родители знают мои мысли; я объяснял это себе тем, что мог, вероятно, говорить вслух, не слыша сам себя. Я рассматриваю это как начало моей болезни. Мне очень нравились некоторые девочки, и у меня было сильное желание видеть их обнаженными. Но, желая так, я имел жуткое чувство, что что-то должно случиться, если я буду так думать, и, что я должен сделать все, что угодно, чтобы это предотвратить”. (В ответ на предложение дать пример этих страхов, он сказал: “Например, что мой отец может умереть”). “Мысли о смерти моего отца занимали мое сознание с очень ранних лет в течение длительного периода времени и очень подавляли меня”.

В этот момент я с удивлением узнал, что отец пациента, по поводу которого его преследовали обсессивные страхи в настоящее время, умер за несколько лет до этого.

События возраста шестого или седьмого года, которые пациент описывал на первом часу лечения, были не просто, как он предполагал, началом его заболевания, а самим заболеванием. Это заверченный невроз навязчивости, не нуждающийся еще в каких-либо существенных звеньях, сразу ядерный, и прототип более позднего расстройств – элементарный организм, изучение которого, единственно, может позволить нам понять законченную организацию его последующего заболевания. Ребенок, как мы видели, находился под доминирующим влиянием компонента сексуального влечения – скоптофилии (влечение к разглядыванию), результатом которого было постоянное возобновление в нем желаний, связанного с персонами женского пола, которые

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
ему нравились – желания видеть их обнаженными. Это желание относится к более поздней обсессивной или компульсивной идее; и, если качество компульсивности было еще не представлено, то это потому, что Эго не переместило пока себя полностью в оппозицию к этому и не относилось к этому, как к чему-то чужеродному. Тем ни менее, оппозиция этому желанию была уже активирована из того или иного источника, так как его появление регулярно сопровождалось болезненным аффектом. (Однако делались попытки объяснить обсессии без учета аффективности!). Несомненно, в душе юного распутника прогрессировал конфликт. Обратной стороной обсессивного желания, интимно ассоциированной с ним, был обсессивный страх: каждый раз, когда он испытывал желание этого сорта, он не мог не бояться, что случится что-то ужасное. Это что-то ужасное уже обладало характеристикой неопределенности, которая с этого момента стала инвариантной особенностью каждого проявления невроза. Но у ребенка без особого труда раскрывается то, что покрывается неопределенностью такого рода. Если пациент однажды может быть побужден дать частный пример в одном из мест туманных неопределенностей, которые характеризуют обсессивный невроз, можно с уверенностью предположить, что этот пример – исходное и действующее обстоятельство, скрывающееся за неопределенностью. Обсессивный страх нашего пациента, реставрированный в своем первичном значении, будет выглядеть так: “Если у меня есть желание видеть женщин раздетыми, то мой отец должен будет умереть”. Этот болезненный аффект определенно имел оттенок жути и суеверия и уже давал начало возникновению импульсов делать что-то, чтобы отвращать грозное зло. Эти импульсы были в последующем развиты в защитные мероприятия, которые предпринимал пациент.

Мы нашли, таким образом: эротическое влечение и протест против него; желание, которое не было пока компульсивным и борьбу с ним; страх, который уже был компульсивным; болезненный аффект и побуждение к применению защитных мероприятий. Оснащение невроза достигло полноты. На самом деле, представлено нечто большее, а именно – разновидность бредового образования или делирий ([“Делирий” здесь используется в техническом значении, которое будет прояснено ниже) со странным содержанием, что родители знают его мысли, так как он говорит вслух, при этом сам себя не слыша. Мы не впадем в сильное заблуждение, если предположим, что, делая попытку такого объяснения, ребенок обнаружил намек на примечательные ментальные процессы, которые мы называем бессознательными, и без которых мы не можем обойтись, если желаем пролить научный свет на этот темный вопрос. “Я высказывал мои мысли вслух, не слыша их” звучит как проекция во внешний мир нашего собственного предположения, что у нас есть мысли, о которых мы ничего не знаем; это звучит как эндопсихическое восприятие вытесненного.

Ситуация ясна. Элементарный невроз детства уже включил в себя проблему и очевидную абсурдность, как любой законченный невроз зрелости. Что может являться смыслом идеи ребенка о том, что если у него есть сладострастное желание, то его отец должен умереть? Полный ли это вздор? Или возможно понять смысл этих слов и рассмотреть их как необходимое следствие более ранних событий и предпосылок?

Если мы приложим знание, полученное в иных изысканиях, к этому случаю, мы не сможем избежать подозрения, что в нем все сложилось так же, как и в других. То есть, перед тем как ребенок достиг возраста шести лет, у него были конфликты, преодоленные амнезией, но оставившие после себя наследство в виде определенного содержания обсессивного страха. Позже мы узнаем, насколько полно будет возможно для нас раскрыть эти забытые переживания или реконструировать их с некоторой степенью точности. В то же время, можно выделить факт, что, вероятно, более чем простым совпадением является окончание амнезии пациента именно на шестом году жизни.

Нахождение начала хронического обсессивного невроза в раннем детстве, со сладострастными желаниями такого сорта, связанными с жуткими предчувствиями и склонностью предпринимать защитные действия, не является для меня новым. Я сталкивался с этим в других случаях. Это абсолютно типично, хотя и не единственно возможно. Перед освещением событий второй сессии я бы хотел добавить буквально одно слово по поводу ранних сексуальных переживаний пациента. Трудно будет оспорить, что они могут быть рассмотрены, как существенные, равно сами по себе и по своим последствиям. Но имеется общее с другими случаями обсессивных неврозов, которые у меня была возможность анализировать. Эти случаи, в отличие от случаев истерии, неизменно обладают особенностью незрелой сексуальной активности. Обсессивные неврозы более чем истерические делают ясным, что факторы, участвующие в формировании

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
психоневроза, могут быть найдены в инфантильной, а не в актуальной сексуальной жизни пациентов. Текущая сексуальная жизнь обсессивного невротика может часто казаться совершенно нормальной для поверхностного наблюдателя; в самом деле, она часто предлагает глазу намного менее патогенные элементы и аномальности, чем в рассматриваемом случае.

(в) Великий обсессивный страх

“Я думаю начать сегодня с события, которое послужило непосредственной причиной моего прихода к Вам. Это случилось в августе на маневрах около ---. Перед этим я страдал и мучился от всех этих навязчивых мыслей, но во время маневров они быстро прошли. Я напряженно старался показать окружающим меня офицерам, что такие как я люди не только хорошо знают что-то, но и могут хорошо что-то делать тоже. Однажды мы вышли из --- на марш. На привале я потерял пенсне и, хотя я легко мог бы найти его, не хотел задерживаться с выходом и бросил его там. Но я телеграфировал моему окулисту в Вену, чтобы он прислал мне другую пару со следующей почтой. На следующем привале я сидел между двумя офицерами, один из которых, капитан с чешской фамилией, должен был бы быть нисколько не важен для меня. Я боялся его из-за того, что он был, очевидно, враждебен. Я не говорю, что он был плохим человеком, но на офицерских собраниях он защищал введение телесных наказаний, и я был вынужден в очень острой форме выразить свое несогласие с ним.

Ну, во время этого привала завязалась беседа, и капитан рассказал мне об одном особенно жестоком наказании, применяемом на Востоке...”

Здесь пациент прервался, вскочил с кушетки и начал просить меня избавить его от изложения деталей. Я уверил его, что не имею вкуса к какой-либо враждебности и, определенно, не желаю мучить его, но не в моих силах подарить ему то, что находится за пределами моих возможностей. С таким же успехом он мог бы попросить меня достать луну. Преодоление сопротивления было законом лечения, и никакое освобождение от обязательств не могло быть рассматриваемо. (Я объяснил ему концепцию “сопротивления” в начале часа, когда он сказал мне, что в нем есть много такого, что ему нужно преодолевать для того, чтобы рассказывать о своих переживаниях.) Я продолжил, что, тем ни менее, я сделаю все, что смогу, чтобы угадать смысл любого намека, который он мне сделал. Думал ли он о сажании на кол? – “Нет, не это... преступника привязывали...” – он выражался настолько невнятно, что я не смог немедленно угадать, в каком положении – “... горшок был повернут верхней частью к его ягодицам... туда помещали нескольких крыс... и они...” – он опять прервался, выказывая все признаки ужаса и сопротивления – “... вгрызались в...” – его анус, помог я ему. Во всех наиболее важных моментах рассказа его лицо приобретало очень странное, смешанное выражение. Я могу только интерпретировать его как ужас от его собственного удовольствия, которое он совершенно не осознавал. Он продолжал с огромным трудом: “В этот момент у меня сверкнула идея, что это случилось с человеком, который мне очень дорог”. (Он сказал “идея” – более сильный и более значимый термин “желание” или, скорее, “страх”, в действительности обозначал переживаемое, по его свидетельству. К сожалению, я не способен воспроизвести всю особенную неопределенность его замечаний.) Отвечая на прямой вопрос, он сказал, что это не он подвергся наказанию, но это не было и имперсонально. После небольшого побуждения я узнал, что человеком, к которому эта “идея” относилась, была дама, которой он восхищался.

Он прервал свой рассказ для того, чтобы уверить меня в том, что эти мысли были совершенно чужды и неприемлемы для него, и рассказать, что каждый раз они сопровождалась цепью других мыслей, которые проходили через его сознание с невероятной скоростью. Одновременно с “идеей” всегда появлялась “санкция”, как защитная мера, которую он вынужден был принять, чтобы предотвратить исполнение фантазии. Когда капитан говорил об этом жутком наказании, продолжал он, и эти идеи приходили к нему в голову, при помощи использования своих обычных формул (“Но”, сопровождаемого жестом отвержения и фразы “ты о чем-нибудь думаешь?”) он мог преуспеть в отвращении их обеих.

Это “обеих” ошеломило меня и, без сомнения, мистифицировало читателя. Пока мы слышали только об одной идее – о наказании крысами по отношению к даме. Теперь он вынужден был допустить, что одновременно к нему приходила и вторая идея, а именно, о том, что наказание могло быть применено к его отцу. Так как его отец умер за много лет до этого, этот обсессивный страх был намного более бессмысленный, чем первый, а, соответственно, попытка

Тем вечером, продолжал он, тот же капитан вручил ему пакет, прибывший с почты, и сказал: "Лейтенант А. (Имена не важны здесь.) оплатил (в действительности, цена пенсне входит в общую стоимость посылки (с доставкой)). В Австрии система платежа за пересылку действует через почту.) за Вас пересылку. Вы должны вернуть ему деньги". В пакете находилось заказанное им пенсне. В этот миг, однако, "санкция" приобрела у него в сознании следующую форму: что он не вернет деньги или это случится - (что исполнится его фантазия о крысах относительно отца и дамы). И немедленно, в соответствии со знакомой ему процедурой борьбы с этой санкцией появилась команда в форме клятвы: "Ты должен заплатить 3.80 крон лейтенанту А.". Он произнес эти слова почти вслух несколько раз.

Через два дня маневры подошли к концу. Он провел все свободное время в усилиях вернуть лейтенанту А. эту незначительную сумму, о которой шла речь; но последовательность препятствий видимо внешнего характера не позволяла это сделать. Сначала он попытался произвести платеж через другого офицера, который отправился на почту. Но он заметно успокоился, когда офицер принес ему деньги обратно, сказав, что он не встретил лейтенанта А., так как этот способ исполнения клятвы на самом деле не удовлетворил бы его, как не соответствующий ее форме: "Ты должен вернуть деньги лейтенанту А.". Наконец, он встретил лейтенанта А. - человека, которого искал, Однако тот отказался принять деньги, заявив, что ничего не платил за него и что у него вообще нет дел с почтой, которые входят в обязанности лейтенанта Б.. Это ввергло моего пациента в великое недоумение, так как означало, что он не сможет исполнить свою клятву, потому что она основана на ложных предпосылках. Он, однако, выдумал очень любопытный способ преодолеть эту трудность. А именно, он должен был бы пойти на почту с обоими офицерами, А. и Б., затем А. дал бы молодой женщине на почте 3.80 крон, которые молодая женщина дала бы Б., а затем он сам возместил бы 3.80 крон А. в соответствии со словами его клятвы.

Для меня было бы неудивительно услышать, что здесь читатель перестал бы быть способным следовать рассказу. Даже детальное описание пациентом событий тех дней и его реакций на них было полно противоречий и звучало прискорбно перемешанным. Только когда он рассказывал историю в третий раз, я смог побудить его понять эти неясности и смог обнаружить ошибки памяти и перемещения, в которые он был вовлечен. Я опушу затруднения при воспроизведении этих деталей, существенные из которых мы легко сможем поднять позже, и только добавлю, что в конце второй сессии пациент вел себя так, как если бы он был изумлен и смущен. Он постоянно обращался ко мне: "капитан", вероятно потому, что в начале сессии я сказал, что не испытываю враждебности, как капитан М. и, что я не имею намерения обязательно его мучить.

Единственная информация на другую тему, которую я получил от него за этот час, заключалась в том, что с самого начала, во всех предыдущих случаях, в которых у него был страх, что нечто случится с любимыми им людьми, он относил наказание не только к настоящей жизни, но также и к вечности - к следующему миру. До 14 или 15 лет он был искренне религиозен, но с того времени он все больше и больше развивался в сторону свободомыслия. Он улаживал противоречия между своей верой и своими obsessions, говоря себе: "Что ты знаешь о следующем мире? Ничего не может быть известно о нем. Ты ничем не рискуешь - поэтому делай это." Такая форма аргументации казалась не вызывающей возражения человеку, который в других отношениях был особенно благоразумен и, таким образом, он эксплуатировал неопределенность довода к выгоде религиозной установки, которую перерастал.

На третьей сессии он продолжил свой очень детальный рассказ об усилиях по исполнению своей obsessивной клятвы. Тем вечером состоялось последнее перед окончанием маневров офицерское собрание. Ему выпало произносить тост на тему "офицер запаса". Он говорил хорошо, но так, как будто бы он был во сне, так как на заднем плане сознания он непрерывно мучился своей клятвой. Он провел ужасную ночь. Аргументы и контраргументы боролись друг с другом. Главным аргументом было, конечно, то, что предпосылка, на которой основывалась его клятва - что лейтенант А. заплатил за него - оказалась ложной. Однако, он сосредоточился на мысли, что дело еще не закончено, так как А. завтрашним утром проделает вместе с ним часть пути до железнодорожной станции в Р---, и у него будет время допросить того со всем пристрастием. На самом деле он этого не сделал, позволив А. уехать без

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org

него, но проинструктировал своего ординарца дать А. знать о том, что он намерен посетить его днем. Сам он приехал на станцию в пол-десятого утра. Он разместил там свой багаж и собирался отправиться выполнять какие-то разные дела, которые он должен был сделать в этом маленьком городке, с намерением после всего нанести визит А. Поселок, в котором размещался А., находился в часе езды от Р---. До места, где располагалась упомянутая почта, было три часа по железной дороге. Он подсчитал однако, что выполнение его плана оставляет ему время, чтобы успеть на вечерний поезд в Вену. Соображения, которые боролись в нем, были таковы: с одной стороны он трусил и очевидно просто пытался спастись от неприятности просить А. принести ту жертву, о которой шла речь, и выглядеть дураком в его глазах и, что это все потому, что он равнодушен к своей клятве; с другой стороны, напротив, для него было бы трусливо исполнить клятву, так как единственно, для чего ему это нужно, так это для того, чтобы оставаться в мире со своими навязчивостями. Во время этого совещания с собой, добавил пациент, он нашел аргумент, беспристрастно балансирующий все это – он решил позволить своим действиям быть разрешенными случайными событиями, как если бы рукою Господа. И, таким образом, когда станционный носильщик спросил его: “Десятичасовым поездом, господин?”, он ответил: “Да”. И, на самом деле, отбыл десятичасовым поездом. Таким образом он произвел свершившийся факт, и, в общем, успокоился. Он отправился заказать себе место для ланча в вагоне-ресторане. На первой же станции, на которой остановился поезд, его вдруг осенило, что у него пока есть время выйти из поезда, вернуться назад в Р---, доехать до места, где квартировал лейтенант А., оттуда вместе с ним добраться за три часа на поезде до почты, и так далее. Но тут появление стюарда вагона-ресторана вынудило его сделать заказ, прервав его в рассмотрении этой возможности, которую он, однако, не отверг, а отложил ее осуществление до более поздней остановки. Так, от станции к станции, он испытывал внутреннюю борьбу, выходить ли ему, пока не достиг такой, где ему показались невозможным выйти, так как на ней жили его родственники. Он определился ехать до Вены, разыскать своего друга, изложить ему проблему, и, после того, как тот примет решение, успеть на ночной поезд обратно до Р---. Когда я выразил сомнение, что это могло быть выполнено, он уверил меня в том, что у него было пол-часа запаса между прибытием одного поезда и отправлением другого. Когда он прибыл в Вену, ему, однако, не удалось найти своего друга в ресторане, в котором он рассчитывал его встретить и, только в 11 часов вечера, ему удалось добраться до дома этого друга. Он рассказывал ему эту историю ночью. Его друг взял его за руки в изумлении, что он все еще может страдать от этой навязчивой идеи и утешил его, после чего он замечательно спал. Наутро они вместе пошли на почту и отправили 3.80 крон на то почтовое отделение, куда прибыла посылка с пенсне. Это было его последнее заявление, которое снабдило меня стартовой точкой, с которой я мог начать прояснение различных искажений, встретившихся в его рассказе. После того, как друг привел его в чувство, он отправил ту незначительную сумму, о которой шла речь не лейтенанту А., ни лейтенанту Б., а непосредственно почтовому отделению. Следовательно, он должен был знать, что он должен за посылку ни кому иному, как служащему почтового отделения, и он должен был знать это перед началом своего путешествия. Оказалось, что, действительно, он знал это перед тем, как капитан изложил свое требование и перед тем, как он принял клятву; теперь он вспомнил, что несколькими часами ранее встречи с враждебным капитаном он был по случаю представлен другому капитану, который рассказал ему о действительном положении дел. Этот офицер, услышав его имя, рассказал ему, что чуть раньше он был на почте, где молодая дама спросила его о том, знает ли он лейтенанта Н. (пациента), для которого прибыл пакет, который должен быть оплачен за доставку. Офицер ответил, что нет, а молодая дама заявила, что может поверить неизвестному лейтенанту и что сама оплатит посылку. Вот таким образом пациент стал обладателем пенсне, которое он заказывал. Враждебный капитан допустил ошибку, когда, передавая пакет, попросил его вернуть 3.80 крон А., и пациент должен был знать, что это ошибка. Несмотря на это, он дал клятву, основанную на ошибке, клятву, которая так его мучила. Делая так, он скрывал от себя, а, рассказывая мне всю историю, скрывал от меня эпизод с другим капитаном и существование доверчивой молодой дамы на почтовом отделении. Я вынужден принять, что после введения коррекции его поведение стало даже более бессмысленным и невразумительным, чем прежде.

После того, как он оставил своего друга и возвратился в семью, сомнения одолели его снова. Он видел, что аргументы друга не отличались от его собственных, и у него не было иллюзий по поводу того, что временное улучшение его состояния следует атрибутировать чему-то большему, чем влиянию личности друга. Его решение проконсультроваться у врача было

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
вплетено в его бред в следующей изобретательной манере. Он рассчитывал получить от врача сертификат о том, что ему, в целях возвращения здоровья, необходимо выполнить некоторые действия в отношении лейтенанта А.; и что лейтенант посредством сертификата позволит себя убедить в необходимости получить от него 3.80 крон. Однако, о получении сертификата от меня речь не заходила; все, о чем он вполне резонно меня просил – это избавить его от obsessions. Много месяцев спустя, когда его сопротивление достигло высшей точки, он однажды впал в искушение поехать, наконец, в Р---, найти лейтенанта А. и пройти через фарс возвращения ему денег.

(г) Введение в сущность лечения

Читателю не следует ожидать сразу услышать о прояснении странной и бессмысленной obsessions пациента о крысах. Истинная техника психоанализа требует от терапевта подавлять свое любопытство и оставлять пациента совершенно свободным в выборе сменяющих друг друга в ходе лечения тем. На четвертой сессии я, соответственно, принял пациента со словами: “Как вы намереваетесь продолжить сегодня?”

“Я решил рассказать Вам нечто, что я считаю наиболее важным, и что тревожит меня в первую очередь”. Затем он рассказал мне очень длинную историю о последней болезни своего отца, который умер от эмфиземы за девять лет до этого. Однажды вечером, полагая, что состояние больного было таким, которое свидетельствовало бы о наступлении кризиса в развитии болезни, он спросил врача о том, когда опасность могла бы быть расценена как миновавшая. “Вечером послезавтра”, – ответил тот. Пациенту никогда бы не пришло в голову, что его отец может не пережить указанный срок. Пол-восьмого вечера он прилег отдохнуть на часок. Пробудившись в час, он узнал от медика, что его отец умер. Он упрекал себя за то, что не присутствовал при его смерти; и самоупреки усилились, когда медсестра рассказала ему о том, что однажды, в последние дни, отец произносил его имя и спросил, когда она подошла к его кровати: “Это Пауль?” Он полагал, что заметил, что его мать и сестры склонны упрекать себя сходным образом; но они никогда не говорили об этом. Поначалу, однако, эти самоупреки его не мучили. Долгое время он не мог принять факт смерти отца. Постоянно случалось так, что, слыша хорошую шутку, он говорил себе: “надо рассказать ее отцу”. Его воображение также было занято отцом, так как часто, когда раздавался стук в дверь, он думал: “Отец пришел” и, входя в комнату, он ожидал обнаружить там отца. И, хотя он никогда не забывал, что отец мертв, его не пугала перспектива увидеть похожее на приведение видение отца; напротив, он очень желал этого. Когда минуло восемнадцать месяцев, вернулось воспоминание о своем небрежении и начало ужасно его мучить – так, что он начал рассматривать себя как преступника. Это случилось, когда умерла его замужняя тетка и он нанес визит соболезнования в ее дом. С этого момента он расширил структуру своих obsessive мыслей так, что она включила в себя последующий мир. Немедленным следствием этого стала значительная немощность в работе. (Более детальное описание события, данное мне пациентом позже, делает возможным понять влияние, оказанное им на пациента. Его дядя, оплакивая потерю жены, воскликнул: “Иные мужчины позволяют себе всевозможные утешения, но я жил единственно для нее.” Пациент предположил, что дядя намекал на его отца, подвергая сомнению его супружескую верность; и, хотя дядя отрицал это, для пациента не было возможным далее противодействовать влиянию этих слов.)

Он заявил, что единственной вещью, поддерживающей в нем жизнь в то время, были утешения его друга, который отметал его самоупреки по причине их невероятной преувеличенности. Слушая это, я воспользовался возможностью дать ему первый раз мельком взглянуть на основные принципы психоаналитической терапии. Когда наблюдается мезальянс, начал я, между аффектом и соответствующим идеаторным содержанием (в данном случае, между интенсивностью самоупреков и поводом к этому), неспециалист скажет, что аффект слишком преувеличен по отношению к причине и, что последующий вывод из самоупрека (что пациент – преступник) является ложным. Напротив, терапевт говорит: “Нет. Аффект оправдан. Чувство вины само по себе не может далее подвергаться критике. Но оно принадлежит другому содержанию, которое неизвестно (бессознательно), и которое требуется найти. Известное идеаторное содержание занимает настоящее положение благодаря только лишь ошибочной ассоциации. Обычно мы не испытываем сильных эмоций без идеаторного содержания, и, если содержание теряется, мы хватаемся за заменяющее его содержание, которое оказывается по тому или иному основанию годным, как наша полиция, когда она не может поймать настоящего преступника и задерживает кого-то другого вместо него. Более того, факт наличия

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
ошибочной ассоциации – единственное, что дает основание рассчитывать на то, что логические процессы в борьбе с мучительной идеей окажутся бессильны”. В заключение я допустил, что этот новый способ взглянуть на проблему немедленно приводит к сложностям иного рода; как он может допустить, что его самоупреки в совершении преступления против отца оправданы, когда ему совершенно точно известно, что никакого такого преступления он не совершал?

На следующей сессии пациент выказал большой интерес к тому, что я говорил, но осмелился, как он выразился, привнести некоторые сомнения. – Как, он спросил, информация о том, что самоупреки и чувство вины являются оправданными, имеет терапевтический эффект? – Я объяснил, что не информация оказывает такой эффект, а открытие того содержания, к которому эти самоупреки на самом деле относятся. – Да, сказал он, это в точности то, на что был направлен его вопрос. – Затем я произвел краткое рассмотрение психологических различий между сознательным и бессознательным в свете того факта, что все сознательное относится к процессам протекающим, в то время как бессознательное относительно неизменно; я иллюстрировал свое замечание с помощью антиквариата в моей комнате. Я сказал, что все предметы, находящиеся здесь – из могил, и их захоронение сохранило их: разрушение Помпеи началось только когда ее раскопали. Он говорил себе, продолжал он, что самоупреки могут только возражать от нарушения внутренних моральных принципов, а не от нарушения неких внешних правил. – Я согласился и сказал, что человек, нарушающий законодательство, может чувствовать себя героем. – Такое встречается, продолжал он, только когда уже наличествует распад личности. Имеется ли у него возможность произвести реинтеграцию его собственной личности? Если бы это могло бы быть сделано, он полагает, что он был бы способен добиться успеха в жизни, возможно лучшего, нежели достигает большинство. – Я ответил, что я совершенно согласен с ним в отношении его замечания о расщеплении его личности. Ему нужно лишь ассимилировать это новое представление о противоположности высокоморального и злого себя с представлением, уже упоминавшимся мной, о противоположности сознательного и бессознательного. Моральное Я было сознательным, а злое Я было бессознательным. (Все это, конечно, верно, хотя и упрощенно, но это обслуживает первое знакомство с предметом.) – Он сказал затем, что, хотя считает себя человеком морали, вполне определенно может вспомнить себя в детстве делающим вещи, которые идут от его другого Я. – Я заметил, что здесь он неожиданно натолкнулся на одну из главных характеристик бессознательного, а именно, на его отношение к инфантильности. Бессознательное, объяснял я, было инфантильным; оно было частью Я, которая отделилась от Я в детстве, которая не участвовала в последующем развитии Я и, которая, следовательно, оказалась репрессированной (вытесненной). Дериваты этого вытесненного бессознательного ответственны за непроизвольные мысли, которые составляют его болезнь. Он может теперь, добавил я, открыть еще и другую характеристику бессознательного; я бы хотел, чтобы это открытие он сделал самостоятельно. – Он не нашел сразу, что сказать в этой связи, но вместо этого выразил сомнение в возможности изменить такое длительно существующее положение дел. Что, в частности, может быть предпринято против его идеи о следующем мире, если она не может быть опровергнута с помощью логики? – Я сказал, что не подвергаю сомнению ни тяжесть его заболевания ни значительность его патологических конструкций, но в то же время на его стороне молодость, равно как и неповрежденность его личности. В связи с этим я произнес несколько слов по поводу своего хорошего мнения о нем, и это вызвало у него видимое удовольствие.

На следующей сессии он начал с того, что должен рассказать мне событие из своего детства. С семи лет, как он уже рассказывал мне, у него был страх, что родители угадывают его мысли, и этот страх, на самом деле, существует в течение всей его жизни. Когда ему было 12 лет, он полюбил маленькую девочку, сестру своего друга. (Отвечая на вопрос, он сказал, что эта любовь не была чувственной; он не хотел видеть ее обнаженной, так как она была слишком мала.) Но она не выказывала к нему такой привязанности, которой он бы желал. И затем к нему пришла идея, что она могла бы быть добра к нему, если бы с ним случилось какое-нибудь несчастье; и как пример такого несчастья, идея о смерти его отца овладела им. Он моментально энергично ее отверг. И даже теперь он не может допустить возможность того, что то, что возникло таким образом, может быть названо “желанием”; очевидно, что это не более, чем “мысленная связь”. (Не только обсессивные невротики удовлетворяются эвфемизмами такого рода.). В порядке возражения я спросил его, почему, если это не было желанием, он отверг это. – Единственно, из-за содержания идеи, из-за того, что она была о том, что отец может умереть. – Я заметил, что он обработал фразу, как если бы она была тем, что включает

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
Tese-mageste (магическую мысль?). Я добавил, что могу легко вставить идею, которую он так энергично отвергает, в контекст, который исключит возможность любого такого отвергания; например, “если мой отец умрет, я убью себя над его могилой.” – Он был потрясен, но не отказался от возражений. Я прекратил дискуссию замечанием о том, что я чувствую – это было не первое появление идеи о смерти отца, что однажды мы проследуем назад в ее истории. – Он затем продолжил рассказом о точно такой же мысли, которая сверкнула у него в голове во второй раз за шесть месяцев до смерти отца. В это время он уже любил свою “даму” (Десять лет назад.), но финансовые обстоятельства делали невозможным рассчитывать жениться на ней. Затем к нему на ум пришла идея о том, что смерть его отца может сделать его достаточно богатым для женитьбы на ней. Защищаясь от этой идеи, он представил себе, что отец может ему ничего не оставить, так что за свою ужасную потерю он не будет иметь никакой компенсации. Та же идея, хотя и в более мягкой форме, пришла к нему третий раз за день до смерти отца. Затем он подумал: “Теперь я могу потерять того, кого люблю больше всего на свете”; затем пришло опровержение: “Нет, есть еще некто, чья потеря была бы для меня даже более болезненной”. (Там и сям указания на оппозицию двух объектов его любви, отца и “дамы.”). Эти мысли его очень удивляли, так как совершенно определено смерть отца никогда не была объектом его желания, а лишь объектом его страха. После того, как он с усилием провозгласил это, я счел полезным привнести свежий кусок теории, касающийся его замечания. Согласно психоаналитической теории, сказал я ему, любой страх относится к бывшему желанию, ранее вытесненному; таким образом мы обязаны принять точную противоположность тому, что он утверждает. Это также соответствует другому теоретическому требованию, а именно, что бессознательное должно быть точной противоположностью сознательного. – Он был очень ажитирован этим и выглядел очень недоверчивым. Он удивлялся, как это могло бы быть возможным иметь такое желание, учитывая, что он любил отца больше всех на свете; и без сомнения, он отказался бы от любых собственных перспектив ради спасения его жизни. – Я ответил, что именно такая интенсивная любовь, как у него, есть условие вытесненной ненависти. В отношении людей, к которым он чувствовал себя индифферентным, у него определено не возникало трудностей к поддержанию одновременной склонности их умеренно любить и равно умеренно не любить: предположим, например, что он – служащий; он может считать своего начальника приемлемым в качестве руководителя, но, в то же самое время, мелочным как юриста и негуманным как судью. Шекспир сделал своего Брута говорящим подобным образом о Юлии Цезаре: “Так как Цезарь любил меня, я оплакиваю его; так как он был счастлив, я радовался за него; так как он был храбр, я гордился им; так как он был властолюбив, я отвернулся от него”. Но эти слова поражают нас своей непривычностью и именно по этой причине мы представляем чувства Брута к Цезарю как нечто более глубокое. В случае с кем-то, кто был ближе к нему, своей жены, например, он мог бы желать иметь свои чувства к ней несмешанными и, следовательно, будучи лишь человеком, он мог бы проглядеть ее промахи, так как они могли бы побудить его не любить ее – он мог бы игнорировать их, как если бы был к ним слеп. Следовательно, именно интенсивность его любви не позволила бы его ненависти – хотя давать такое название – значит карикатурировать чувство – оставаться сознательной. Конечно, ненависть должна иметь источник, и раскрыть этот источник, определено, было проблемой; его собственные заявления указывают на время, когда он боялся, что родители угадывают его мысли. С другой стороны, можно задать вопрос, почему его такая интенсивная любовь не преуспела в уничтожении его ненависти, как это обычно бывает там, где имеются два противоположных импульса. Мы можем только предположить, что ненависть должна расцвести из некоторого источника, связанного с действием некой особой причины, которая делает ее неразрушимой. С одной стороны, какая-то связь этого типа должна поддерживать его ненависть к отцу живой, в то время, как с другой стороны, интенсивная любовь предотвращает ее осознание. Таким образом, для нее ничего не оставалось, кроме как существовать в бессознательном, хотя время от времени она была способна вспыхивать в сознании на мгновения.

Он отметил, что все это звучит довольно правдоподобно, но он, естественно не вполне убежден этим. (Никогда целью подобных дискуссий не является убеждение. Они призваны только привнести вытесненный комплекс в сознание, сделать конфликт доступным для сознательной психической активности и облегчить проникновение свежего материала из бессознательного. Чувство убежденности вырабатывается только после того, как пациент сам проработает обозначенный материал и, до тех пор, пока он не почувствует себя полностью убедившимся, материал должен рассматриваться как непроработанный.). Он бы отважился спросить, сказал пациент, как это было, что идея такого типа

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
могла ослабевать, как она могла появляться на мгновения, когда ему было двенадцать лет и снова, когда ему было двадцать и затем еще раз, через два года, в хорошее время. Он не может поверить, что его враждебность угасала на периоды времени, в течение которых не было никаких признаков самоупреков. – На это я ответил, что всякий раз, когда некто задает такие вопросы, он уже готов с ответом; он нуждается только в одобрении, чтобы начать говорить. – Затем он продолжил, как могло показаться, несколько бессвязно говорить, что они с отцом были лучшие друзья. За исключением некоторых предметов, по поводу которых отцы и дети обычно сторонятся друг друга – (что бы это могло означать?) – интимность между ними была гораздо значительнее, чем между ним и его лучшим другом. Что касается дамы, в отношении которой он пренебрег своим отцом в своей фантазии, то, действительно, он ее очень сильно любил, но у него никогда не было к ней сладострастного влечения такого, которое он постоянно испытывал в детстве. Вообще, в детстве, его сладострастные импульсы были намного сильнее, чем в пубертате. – Тут я сказал ему, что полагаю – он сейчас нашел ответ на вопрос, который мы искали и, в то же время, открыл третью существенную характеристику бессознательного. Источником, из которого его враждебность к отцу получала свою неразрушимость, было что-то в природе сладострастных желаний, и, в связи с этим, он должен был чувствовать, что его отец так или иначе представляет собой помеху. Конфликт такого типа, добавил я, между сладострастностью и детской любовью, абсолютно типичен. Периоды угасания, о которых он говорил, происходили потому, что преждевременный взрыв его сладострастных чувств имел своим следствием значительное уменьшение их силы. И не было так, что до тех пор, пока он снова не оказывался захвачен интенсивным эротическим желанием, его враждебность проявилась бы снова, позволяя ожить старой ситуации. Затем я убедил его согласиться, что я не увлекал его обсуждать вопросы детства или секса, но что они были подняты им по его свободной воле. – Затем он продолжил, спрашивая, не потому ли просто он не принял решения в то время, когда был влюблен в свою даму, что помеха той любви в лице отца не могла сравниться в тот момент с любовью к отцу. – Я ответил, что было вряд ли возможно разрушить человека заочно. Такое решение могло возникнуть, если бы желание, против которого он протестовал, появилось бы тогда в первый раз; в то время, как фактически, оно долгое время подвергалось вытеснению, по отношению к нему он не мог бы организовать свое поведение иначе, чем он это делал, и оно было, следовательно, защищено от разрушения. Это желание (избавиться от отца, как представляющего собой помеху) должно брать начало в то время, когда обстоятельства были другими – может быть, в то время, когда он не любил своего отца больше, чем человека, которого он сладострастно желал, или когда он не был способен принять ясного решения. Это должно было иметь место в его раннем детстве, перед тем, как он достиг шести лет и перед тем, как его память стала сознательной; и вещи могли с тех пор оставаться для него неизменными. – На этом этапе наша дискуссия прервалась ввиду окончания времени сессии.

На следующей сессии, седьмой по счету, он опять вернулся к этому предмету. Он заявил, что не может поверить, даже предположить такое желание, направленное против отца. Он запомнил рассказ Садерманна (Sudermann), продолжил он, который произвел на него глубокое впечатление. В этом рассказе фигурировала женщина, которая, сидя у постели больной сестры, почувствовала желание чтобы ее сестра умерла, так как тогда она могла бы выйти замуж за ее мужа. Женщина потом совершила самоубийство, полагая, что недостойна жить, будучи виновной в такой подлости. Он может это понять, сказал он, и если бы у него были те мысли, то ничего, кроме смерти он не заслуживал бы. (Это чувство вины затрагивает очень яркое противоречие в его открытом отрицании даже предположить наличие злого желания против отца. Это общий тип реакции на вытесненный материал, когда он становится осознанным: “Нет”, которым сначала отрицается факт, сопровождается его подтверждением, хотя делаемым поначалу в непрямой форме.) – Я заметил, что нам хорошо известно, что пациенты получают определенное удовлетворение от своих страданий, так что, на самом деле они сопротивляются собственному выздоровлению в некоторой степени. Он никогда не должен упускать того обстоятельства, что такое лечение как это, сопровождается постоянным сопротивлением. Мне следовало повторно напомнить это ему.

Затем он продолжил, сказав, что хотел бы поговорить о преступной акции, в авторе которой он не узнает себя, хотя достаточно ясно припоминает себя делающим это. Он процитировал Ницше (Jenseits von Gut und Bose, iv., 68.) : “ “Я сделал это,” – говорит моя Память. “Я не мог этого сделать,” – говорит моя Гордость и остается непреклонной. В конце концов Память уступает”.

“Вот,” – он продолжил: “Моя память здесь не уступила”. – “Это потому, что Вы получаете удовольствие от Ваших самоупреков, являющихся средством самонаказания”. – “Мой младший брат – я действительно очень люблю его теперь, и именно теперь он является причиной моего великого беспокойства из-за того, что он хочет сделать то, что я рассматриваю как нелепую вещь; до настоящего времени я думал о том, что собираюсь убить человека с тем, чтобы предотвратить его бракосочетание – ну, мой младший брат и я обычно много боролись в детстве. В то же время мы очень любили друг друга и были неразлучны; но меня прямо переполняла зависть, так как он был сильнее меня и выглядел лучше меня и, следовательно, был фаворитом”. – “Да, Вы уже дали мне описание сцены с завистью в связи с фройляйн Линой”. – “Очень хорошо, затем в некоторой такой же ситуации (это, определенно было перед тем как мне исполнилось восемь, так как я не ходил еще в школу, а в школу я пошел с восьми лет) – в некоторой такой же ситуации, вот что я сделал. У нас обоих были обычные игрушечные ружья. Я зарядил свое шомполом и сказал ему, что если он выглянет из-за бочки, то кое-что увидит. Потом, когда он выглянул, я нажал на спусковой крючок. Я попал ему в лоб, и он не обиделся; а я, на самом деле, сделал ему очень больно. После этого я был почти вне себя, я бросился на землю и спрашивал себя, как только мог я сделать такую вещь. Но я сделал это”. – Я воспользовался моментом провести свое толкование. Если он сохранил воспоминание о такой чуждой для него акции, как эта, он не мог бы отрицать возможность чего-то подобного, о котором он совершенно забыл, случившегося в более ранние годы в отношении его отца. – Затем он заявил мне, что он осознавал себя чувствующим другие мстительные импульсы, в этот раз в отношении дамы, которой он так много восхищался и чьего образа он рисовал яркую картину. Могло быть правдой, что она не могла любить легко; но она сохраняла всю себя для одного человека, которому однажды она стала бы принадлежать. Она не любила его. Когда он стал осведомлен об этом, у него в мыслях оформилась сознательная фантазия о том, что он очень разбогател и женился на другой и затем бы дал той даме знать об этом для того, чтобы ранить ее чувства. Но здесь его фантазия разбивалась из-за того, что он был вынужден признаться себе, что другая женщина, его жена, ему совершенно ни к чему; затем его мысли спутывались, и, наконец, становилось совершенно ясно, что эта другая женщина должна была бы умереть. В этой фантазии, так же как и в случае с братом, он узнавал качество малодушия, которого он особенно страшился. (Это его качество найдет объяснение позже.) – В дальнейшем ходе нашей беседы я обратил его внимание на то, что он может логически рассматривать себя как ни в коей мере не ответственного за все эти черты своего характера; так как все эти предосудительные импульсы зародились в его детстве, и были только дериватами его инфантильной личности, переживаемыми в его бессознательном; а он должен знать, что принцип моральной ответственности не может быть применен к детям. Моральная ответственность, добавил я, вырастает только в процессе развития человека из совокупности его инфантильных установок. (Я привел эти аргументы только для того, чтобы еще раз продемонстрировать себе их неэффективность. Я не могу понять, как другие психотерапевты могут утверждать, что они успешно сражаются с невротиками таким оружием, как это.) Он выразил сомнение, однако, в том, что его враждебные импульсы зарождались из того источника. Но я обещал подтвердить ему это в ходе лечения.

Он привел в качестве доказательства тот факт, что его расстройство так ненормально усилилось со смерти отца, и я сказал, что согласен с ним в том, что я рассматриваю его печаль по поводу смерти отца в качестве главного источника интенсивности его расстройства. Его печаль нашла, как это бывает, патологическое выражение в расстройстве. В то время, говорил я ему, как нормальный период печали продолжается от одного до двух лет, патологический, как у него, длится неопределенно долго.

Это представляет самое большее из настоящего случая, что я могу сообщить максимально детально и без опущений. Это грубо совпадает с объяснительной частью лечения, которое в целом длилось более 11 месяцев.

(д) Некоторые обсессивные идеи и их объяснение

Обсессивные идеи, как это хорошо известно, появляются без причины и без смысла, так же, как это делают сновидения. Первоочередная проблема – как придать им значение и статус в ментальной жизни индивида, такие, чтобы сделать их понимаемыми или даже ясными. Проблема их объяснения может казаться неразрешимой; но мы никогда не должны себе давать быть введенными в заблуждение этой иллюзией. Наиболее дикие и эксцентричные навязчивые или

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
непреодолимые идеи могут быть прояснены при достаточно глубоком исследовании. Разрешение производится постановкой obsessивных идей во временную взаимосвязь с опытом пациента, или, говоря по-другому, поиском, когда частная obsessивная идея появилась впервые, и какие внешние обстоятельства этому способствовали. Когда, как это часто бывает, obsessивная идея не достигает упрочивания до постоянного существования, задача ее прояснения упрощается. Мы легко можем убедиться в том, что когда открываются внутренние связи между obsessивной идеей и опытом пациента, становится не трудно получить доступ ко всему, что может приводить в замешательство или быть плохо понимаемым в патологической структуре, с которой мы имеем дело – ее смыслу, механизму образования, и ее происхождения от господствующих мотивирующих сил в психике пациента.

Как с частично ясного примера, я начну с одного из суицидальных импульсов, которые так часто появлялись у нашего пациента. Этот симптом был почти проанализирован им самим в его рассказе. Он рассказал мне, что однажды он провел несколько бесплодных недель, размышляя об отсутствии своей дамы: она не появлялась по причине ухода за своей серьезно больной бабушкой. Именно тогда, когда он размышлял наиболее напряженно, у него появилась идея: “Если бы ты получил команду испытать себя на этот счет при первой возможности, ты бы повиновался. Но если бы тебе командовали перерезать себе горло бритвой, что тогда?” Тут он осознал, что эта команда уже была дана и поспешил было к буфету, чтобы достать бритву, когда подумал: “Нет, это не так просто. Ты должен пойти и убить старуху.” После этого он бросился на пол, охваченный ужасом.

В этом случае, связь между компульсивной идеей и жизнью пациента выражается открыто в его рассказе. Его дама отсутствовала, в то время как он напряженно размышлял о том, что могло бы дать возможность его союзу с ней стать теснее. Он был истощен страстью к отсутствующей даме и думал о причине ее отсутствия. И им овладело что-то, которое, если бы он был нормальным мужчиной, было бы, вероятно, чем-то вроде досады против ее бабушки. “Почему старуха должна болеть именно тогда, когда я так страшно ее желаю?” Мы должны предположить, что что-то подобное, но гораздо более интенсивное промелькнуло у пациента – бессознательный порыв ярости, которая могла соединиться со страстью и найти выражение в восклицании: “О, как бы я хотел пойти и убить эту старуху (Смысл требует, чтобы слово “сначала” было вставлено здесь.) за то, что она грабит мою любовь!” После чего следует команда: “Убей себя за эти дикие и убийственные страсти!” Весь процесс в obsessивном сознании пациента сопровождался крайне бурным аффектом и проходил в обратном порядке – команда причинить повреждение первой и маркер вспышки вины после. Я не думаю, что эта попытка объяснения выгладит натянутой или что она содержит много гипотетических элементов.

Другой импульс, который может быть описан как косвенно суицидальный и который был более продолжителен, объясним не так легко. Из-за того, что он относится к мастерству, которого достиг пациент в укрывании его за такими чисто внешними ассоциациями, которые столь отталкивающи для нашего сознания. Однажды, когда он уехал на летние каникулы, его внезапно посетила идея о том, что он слишком толстый [немецкое “*dicke*”] и что он должен сделать себя тоньше. Поэтому он начал уходить из-за стола перед десертом и прогуливаться по дороге под горячим августовским солнцем. Затем он стремительно взбегал на гору, пока горькое осознание неспособности сделать это не останавливало его. Однажды его суицидальное намерение проявилось без маскировки его манией стать тоньше: когда он стоял на краю крутого обрыва, внезапно появилась команда прыгнуть вниз, что означало бы верную смерть. Наш пациент не мог бы и думать об объяснении этого бессмысленного obsessивного поведения, пока внезапно ему не пришло в голову, что ведь его дама тоже остановилась на этом курорте в компании английского кузена, который был очень внимателен к ней, и к которому пациент ее очень ревновал. Звали этого кузена Ричардом, и, согласно обычно принятой в Англии практике, он был известен как Дик (*Dick*). Нашему пациенту захотелось убить этого Дика; он испытывал гораздо большую ревность и ярость, чем он мог допустить себе и поэтому связал себя диетой в качестве наказания. Этот obsessивный импульс может показаться очень непохожим на ту прямую суицидальную команду, которая уже обсуждалась, но, тем не менее, они имеют одно общее свойство. Обе они появились как реакции на ужасное чувство гнева, которое было неприемлемо для сознания пациента и было направлено против того, кто обнаружил себя как препятствие его любви. (Имена и слова совсем не так редко и не так опрометчиво используются при obsessивных неврозах и при истерии для установления связи между бессознательными мыслями (будь то

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org фантазии или импульсы) и симптомами. Я рад припомнить случай, в котором то же самое имя, Ричард, похожим образом использовалось пациентом, которого я анализировал давно. После ссоры со своим братом он начал размышлять о том, что хорошо было бы избавиться от богатства, что он не хочет иметь ничего общего с деньгами, и т. д. Его брата звали Ричард, а "richard" по-французски означает "богатый человек".). Некоторые другие obsessions пациента, однако, хотя тоже центрировались на его даме, проявляют иной механизм и обязаны своим возникновением другому влечению. Кроме своей мании похудения, он произвел целую серию других obsessive acts во время пребывания дамы на курорте: и, по крайней мере, их часть непосредственно связана с ней. Однажды, когда они вместе катались на лодке и задул сильный ветер, он счел себя обязанным надеть на нее свою шляпу, так как у него в голове сформулировалась команда, что ничего не должно с ней случиться. (Слова "за что он мог бы быть обвинен" должны быть добавлены, чтобы закончить смысл.). Это был вид obsessions для защиты, и, кроме того, проложило путь для последствий. В другой раз, когда они сидели вместе во время грозы, ему навязалась, он не мог сказать почему, необходимость считать до сорока или до пятидесяти между вспышками молний, сопровождаемыми ударами грома. В день ее отъезда он споткнулся о камень, лежащий на дороге и был вынужден переместить его с пути на обочину, так как им овладела идея, что так как ее экипаж проедет здесь несколькими часами позднее, то по причине наличия здесь этого камня может произойти несчастье. Но через несколько минут ему это показалось абсурдным и он был вынужден вернуться и переместить камень в первоначальную позицию на середину дороги. После ее отъезда он стал добычей obsessions понимания, которая сделала его бедствием для всех его товарищей. Он был вынужден понимать точное значение каждой реплики, адресованной ему, как будто в противном случае он мог бы утратить нечто бесценное. Соответственно, он спрашивал: "что именно ты тогда сказал?" А после того, как ему повторяли, ему начинало казаться, что это звучало по-другому, и он оставался неудовлетворенным.

Все эти продукты его расстройства зависели от определенных обстоятельств, которые в то время доминировали в его отношениях с дамой. Когда он покидал ее в Вене перед летними каникулами, она сказала что-то такое, что он интерпретировал как проявление ее желания отречься от него перед остальными из компании; и это сделало его очень несчастным. В период ее пребывания на курорте у них были возможности обсудить этот вопрос, и дама оказалась способной убедить его, что те ее слова были им превратно истолкованы, и что, напротив, они имели своей целью спасти его от осмеяния. Это ошастливило его снова. Яснейший намек на этот инцидент содержался в obsessions понимания. Она была сконструирована так, как если бы он говорил себе: "После того случая ты никогда не должен ничего понимать ошибочно, если хочешь обходиться без ненужной боли". Это решение не было простым обобщением единичного случая, но оно также было смещено - возможно, по причине отсутствия дамы - с одной очень высоко ценимой персоны на все остальные, младшие по рангу. И obsessions не могла появиться только от его удовлетворения от объяснения, которое она ему дала; она должна была выражать нечто еще кроме того, что заканчивается неудовлетворяемыми сомнениями в правильности повторения того, что он услышал.

Другие compulsive commands, которые были отмечены, указывают нам на след этого другого элемента. Его obsessions для защиты могла быть только реакцией - как выражение угрызений совести и раскаяния на противоположный, теперь уже враждебный импульс, который он должен был чувствовать к своей даме перед их выяснением отношений. Его obsessions счета во время грозы может быть интерпретирована, с помощью некоторого материала, им спродуцированного, как защитная мера против страха, что некто находится в смертельной опасности. Анализ obsessions, который мы предприняли первым, уже подготовил нас для оценки враждебных импульсов нашего пациента как особенно сильных и выражающихся в форме бессмысленного гнева; и теперь мы находим, что даже после их примирения его гнев против дамы играл роль в формировании его obsessions. Его мания сомнений о том, правильно ли он расслышал, была выражением его сомнения, до сих пор скрытого, действительно ли верно он понял свою даму в этот раз и справедливо ли он принял ее слова о ее отношении к нему за правду. Сомнение в понимании было сомнением в ее любви в его obsessions. Битва между любовью и ненавистью бушевала в груди влюбленного, и объектом и тех и других чувств была одна и та же персона. Эта битва была представлена в причудливой форме его compulsive и символической акцией удаления камня с дороги, по которой его дама должна была проезжать и, затем, аннулирования этого действия любви перемещением камня обратно, так, что ее экипаж мог бы привезти ее к несчастью, и ей мог

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
быть причинен вред. Мы не сформируем верного суждения о второй части компульсивного акта, если мы возьмем его в его поверхностном значении только лишь критического отрицания патологического акта. Тот факт, что она сопровождалась чувством компульсивности, выдает ее, как часть патологической акции самой по себе, хотя часть, которая была определена противоположным ей мотивом, продуцировалась первой частью.

Компульсивные акты, такие как этот, состоящие из двух последовательных стадий, в которых вторая нейтрализует первую, являются типичной особенностью обсессивных неврозов. Сознание пациентов естественным образом неправильно понимает их и выдвигает набор вторичных мотивов для придания им значения – попросту рационализирует их. (С м. Ernest Jones, “Rationalization in Every-day Life” (1908)). Но их истинное значение лежит в их функции репрезентации конфликта двух противоположных импульсов, приблизительно равных по силам: и, соответственно, я нахожу в этом инварианту оппозиции между любовью и ненавистью. Комппульсивные акты такого типа представляют особый теоретический интерес, потому что они показывают нам новый тип формирования симптома. Что регулярно встречается при истерии – так это достигаемый компромисс, который позволяет двум тенденциям находить одновременное выражение – который “убивает одним выстрелом двух зайцев” (См. “Hysterical Phantasies and their Relation to Bisexuality,” Dora – An Analysis of a Case of Hysteria, Collier Books edition AS 581 V .) ; в то время как здесь каждая из двух противоположных тенденций удовлетворяется поодиночке, сначала одна, затем другая; тем ни менее, естественно, предпринимается попытка установить некий тип логической связи (зачастую пренебрегая всякой логикой) между антагонистами. (Другой обсессивный пациент однажды рассказал мне следующую историю. Как-то он гулял в парке у Шенбрунна (Schonbrunn) [императорский дворец в предместье Вены] и споткнулся о ветку, лежавшую на земле. Он поднял ее и отбросил к ограде, ограничивающей дорожку. По пути домой он внезапно с тревогой подумал, что ветка могла немного отлететь от ограды и в ее новом положении стать причиной чьего-либо повреждения, кто мог бы проходить там же. Он был вынужден выпрыгнуть из трамвая, быстро вернуться в парк, найти то место и переместить ветку в первоначальную позицию – хотя любому, кроме пациента, было бы очевидно, что в таком положении ветка представляет большую опасность, чем как если бы она лежала у ограды. Второй и враждебный акт, который он осуществил под влиянием компульсии, был замаскирован от его осознания мотивом, который, в действительности принадлежал акту первому, гуманному.).

Конфликт между любовью и ненавистью выдавал себя у нашего пациента также и в другом выражении. В период оживления его благочестия, он обычно молился за себя, что занимало все большее время и обычно длилось полтора часа. Причина была в том, что он обнаружил, как своеобразный Валаам наоборот, что нечто вставляется в его набожные фразы и оборачивает их в свою противоположность. Например, если он говорил: “Да защити меня Господь”, злой дух немедленно инсинуировал “нет”. (Сравните с похожим механизмом в знакомых случаях со святотатственными мыслями у набожных людей.). В одном из таких эпизодов ему в голову пришла идея произнести вместо молитвы проклятие, так как он был уверен, что в этом случае также прокрадутся противоположные по смыслу слова. Его первоначальное намерение, подавляемое молитвой, пробило себе путь посредством этой идеи. В конце концов он открыл способ избавиться от замешательства путем отказа от молитв и заменой их короткой формулой, состоящей из начальных букв слогов различных молитв. Он произносил эту формулу так быстро, что ничего не могло проскользнуть в нее.

Однажды он принес мне сновидение, которое представляло этот же конфликт в его переносе на терапевта. Ему приснилось, что моя мать умерла; он очень хотел принести мне свои соболезнования, но боялся, что, делая это, он неуместно засмеется, как это случалось с ним в похожих ситуациях в прошлом. Он предпочел, поэтому, оставить мне карточку с “p. c.”, написанными на ней; но когда он писал это, буквы превратились в “p. f.”. ([Аббревиатуры для “pour condoler” (с соболезнованиями) и “pour feliciter” (с поздравлениями), соответственно.] Это сновидение представляет объяснение компульсивного смеха, который так часто встречается в печальных обстоятельствах и который расценивается как необъяснимый феномен.).

Взаимный антагонизм его чувств к даме был слишком значителен, чтобы совершенно ускользнуть от его сознательного восприятия, хотя из обсессий, в которых он манифестировал, мы можем заключить, что пациент неверно оценивал глубину своих негативных импульсов. Дама отказала его первому брачному

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
предложению десять лет назад. С тех пор он, по его собственному признанию, проходил через альтернативные периоды интенсивной любви и индифферентного отношения к ней. Когда же в ходе терапии он столкнулся с необходимостью предпринять некие шаги, приближающие его к успешному финалу его ухаживаний, его сопротивление обычно начинало принимать форму убеждения в том, что после всего он не сможет очень хорошо о ней позаботиться – хотя это сопротивление, по правде говоря, обычно преодолевалось. Однажды, когда она лежала в постели серьезно больная, и он был глубоко озабочен ее состоянием, ему в голову пришло, что он смотрит на нее как-будто с желанием, чтобы она могла бы остаться лежать так навсегда. Он объяснил эту идею посредством изобретательного софистического виража: утверждая, что он лишь только для того пожелал ей быть постоянно больной, чтобы почувствовать себя освобожденным от непереносимого страха того, что у нее будут повторные приступы! (Можно не сомневаться, что другим контрибутивным мотивом этой компульсивной идеи было желание знать, что она бессильна против его замыслов.)

Теперь обычно его воображение было заполнено фантазиями, которые он сам квалифицировал как “фантазии мщения” и чувствовал себя пристыженным. Полагая, например, что дама придает значение социальному статусу поклонника, он произвел фантазию, что она вышла замуж за мужчину такого типа, который служит в правительственном учреждении. Сам он поступил на службу в тот же департамент и рос в должности гораздо быстрее ее мужа, который случайно становится его подчиненным. Однажды, по его фантазии, этот человек, совершает некое бесчестное деяние. Эта дама припадает к его ногам, умоляя спасти ее мужа. Он обещает сделать это; но в то же самое время уведомляет ее, что сделает это только из любви к ней, поскольку он предвидел, что нечто подобное может произойти; и вот теперь ее муж спасен, его миссия завершена, и он оставляет свой пост.

Он продуцировал другие фантазии, в которых он оказывал той даме великие услуги без того чтобы она знала, что все это делает он. В них он распознавал только свою любовь, без существенной оценки источника и цели своего великодушия, которое было предназначено для подавления его жажды мщения, в скверном стиле графа Монте-Кристо Дюма. Тем ни менее, он подметил, что случайно был побеждаем вполне определенными импульсами причинить некий вред даме, которой он восхищался. Эти импульсы, в основном, бездействовали, когда они были вместе, и появлялись только в ее отсутствие.

(е) Возбуждающая болезнь причина

Однажды пациент почти случайно упомянул о событии, в котором я не смог не распознать причину, возбуждающую заболевание, или, по крайней мере, первый случай появления приступа, который начался около шести лет тому назад и продолжался до сего дня. Сам он не заметил, что привнес нечто важное; он не помнил, чтобы он придавал этому событию хоть какую-то важность и, кроме того, никогда о нем не забывал. Такое положение дел в этой части вызывает некоторые теоретические рассуждения.

При истерии, как правило, причины, возбуждающие расстройство, амнезируются в меньшей степени, чем инфантильные переживания, с чьей помощью возбуждающие причины способны трансформировать их аффективную энергию в симптомы. А там, где амнезия не может быть полной, она, тем ни менее, подвергает настоящую травматическую возбуждающую причину процессу эрозии и лишает ее, по крайней мере, самых важных компонентов. При такой амнезии мы наблюдаем свидетельство имеющего здесь место вытеснения. При обсессивных неврозах происходит по-другому. Инфантильные predispositions неврозов могут быть амнезированы, хотя амнезия часто бывает неполной, но первые проявления заболевания, напротив, обычно остаются в памяти. Такое вытеснение используется другой, на самом деле, более простой, механизм. Травма, вместо того, чтобы быть забытой, лишается своего эмоционального заряда ([Немецкое “Besetzung” использовано по аналогии с электрическим зарядом. – Trans.]); так что в сознании не остается ничего, кроме его идеаторного содержания, которое совершенно лишено своей эмоциональной окраски и оценивается как неважное. Разница между тем, что встречается при истерии и тем, что при обсессивном неврозе, заключается в психологических процессах, которые мы можем воссоздать за кулисами феномена; результат почти всегда одинаков, так как обесцвеченное мнемоническое содержание редко репродуцируется и не играет роли в ментальной активности пациента. Для того, чтобы дифференцировать эти два вида вытеснения, мы не имеем не поверхности ничего, на что мы могли бы положиться, кроме уверений пациента, что у него

есть чувство, что в одном случае он всегда помнил нечто, а в другом – что он давно это забыл. (Таким образом, должно быть отмечено, что при обсессивных неврозах существует два вида знания, и, довольно разумно иметь ввиду, что пациент “знает” о своих травмах и, что он не знает о них. Он знает о них потому, что он о них не забыл и не знает потому, что он не осведомлен об их значимости. В жизни это вообще-то обычное дело. Официанты, которые обслуживали Шопенгауэра в его излюбленном ресторане, “знали” его в точном смысле слова, в то время как в целом он не был известен во Франкфурте и за его пределами; но они не “знали” его в том смысле, в котором мы сегодня говорим о “знании” Шопенгауэра.).

По этой причине представляется удивительным, что обсессивные невротики, которые мучаются самоупреками, но связывают свои эмоции с ложными причинами, будут рассказывать терапевту о действительных причинах, без всякого представления о том, что их самоупреки просто обособились от них. В связи с этим они могут иногда случайно добавить с удивлением или даже с налетом гордости: “Но я ничего об этом не думаю”. Это случилось в первом случае обсессивного невроза, с которым я имел дело, и который много лет назад дал мне инсайт относительно природы расстройства. Пациента, который был правительственным чиновником, мучили бесчисленные сомнения. Это был мужчина, чей компульсивный акт перекладывания ветки в парке у Шенбрунна я уже описывал. Я был поражен тем, что флориновые банкноты, которыми он расплачивался за консультации, были неизменно чистые и гладкие. (Это происходило перед тем, как в Австрии ввели серебряную монету). Я однажды заметил, что любой мог бы угадать в нем правительственного служащего по как с иголки новым флорином прямо из государственного казначейства, а он рассказал мне, что они вовсе не новые, просто это он гладит их дома утюгом. Это для него вопрос совести, объяснял он – не расплачиваться грязными банкнотами, потому что на них оседают все виды опасных бактерий и они могут причинить некий вред их получателю. В это время у меня уже было смутное подозрение о связи неврозов и сексуальной жизни, так что при случае я рискнул спросить пациента о том, как у него в этом плане обстоят дела. “О, тут почти все в порядке,” – ответил он легко; – “В этом отношении я не в таком уж трудном положении нахожусь. Я играю роль дорогого старого дядюшки в некотором количестве респектабельных семей и, время от времени использую свое положение, приглашая молодых девушек на однодневные загородные прогулки. Затем я устраиваю так, что мы опаздываем на последний обратный поезд и оказываемся вынужденными провести ночь за городом. Я всегда беру две комнаты – я устраиваю все наиболее симпатично; а когда девушка идет спать, я иду к ней и мастурбирую ее своими пальцами”. – “Но не опасаетесь ли Вы причинить ей вред, проникая в ее гениталии грязными руками?” – Тут он вскипел: “Вред? Почему, какой же вред я мог бы ей причинить? Ни одной из них я не причинил никакого вреда, всем им это очень нравилось. Некоторые из них теперь замужем, и не было никакого вреда от этого для них всех.” Он крайне негативно отнесся к моим возражениям и никогда не появился снова. А я смог только обратить внимание на контраст между его щепетильностью по поводу бумажных флоринов и его бессовестностью в произведении абьюза доверившихся ему девушек, и предположить, что аффект самоупрека был смещен. Цель этого смещения была достаточно ясна: если бы его самоупрекам возможно было бы оставаться там, откуда они происходили, он должен был бы отказаться от такой формы сексуального удовлетворения, к которой, вероятно, был побуждаем некоторыми мощными инфантильными определяющими. Это смещение, таким образом, обеспечивало ему существенное преимущество от заболевания [паранойяльная (paranotic) цель].

Но я должен теперь вернуться к причине возбуждения болезни у нашего пациента. Его мать воспитывалась в здоровой семье, с которой она была отдаленно связана теперь. Эта семья владела большим индустриальным концерном. Его отец, во время его женитьбы, был принят в дело и, таким образом, посредством женитьбы, занял весьма удобную позицию. Пациент узнал благодаря взаимным поддразниваниям родителей (чей брак был на редкость счастливым), что его отец, за некоторое время до женитьбы на его матери, отдавал предпочтение хорошенькой, но бедной девушке незначительного происхождения. Для введения этого достаточно. После смерти отца пациента его мать однажды рассказала ему, что обсуждала его будущее со своими богатыми родственниками, и что один из ее кузенов декларировал готовность женить его на одной из своих дочерей, когда его образование будет завершено; деловые связи с фирмой обеспечат ему блестящий профессиональный старт. Эти семейные планы возбудили в нем конфликт – должен ли он оставаться верным своей даме, которую он любил, несмотря на ее бедность, или же он должен последовать примеру отца и жениться на привлекательной,

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
богатой и с хорошими связями девушке, которая была обещана ему. И он разрешил это конфликт между своей любовью и продолжающимся влиянием отцовских желаний, заболел; или, точнее, заболел, он избежал разрешения проблемы в реальной жизни. (Полезно подчеркнуть, что его уход в расстройство стал возможным благодаря его идентификации с отцом. Эта идентификация позволила его аффектам регрессировать к остаткам детства.).

Подтверждением того, что такой взгляд является корректным, заключается в том факте, что главным результатом его болезни явилась упорная неработоспособность, которая позволяла ему откладывать на годы завершение образования. Результаты такого расстройства никогда не без намеренные; то, что представляется следствием заболевания, в действительности является его причиной или мотивом.

Как и ожидалось, пациент не принял поначалу моего разъяснения. Не может он вообразить, заявил он, что план женитьбы мог бы вызвать такие эмоции: он производил незначительное впечатление на него. Но в последующем ходе терапии он был убедительно привлечен поверить моему подозрению, и в весьма необычной манере. С помощью фантазии переноса он пережил, хотя она была новой и принадлежала настоящему, эпизод из прошлого, который он забыл, или который жил в его бессознательном. Это был темный и трудный период лечения; случайно получилось так, что он встретил молодую девушку на ступенях моего дома и тут же произвел ее в мои дочери. Она понравилась ему и он представил себе, что единственная причина, по которой я так добр к нему и так невероятно терпелив с ним, такова, что я хочу видеть его своим зятем. В это время он возвел благосостояние и положение моей семьи на уровень, который согласовывался с моделью в его голове. Но его вечная любовь к своей даме боролась против искушения. После того как мы преодолели серию сопротивлений и его горькие поношения в свой адрес, он не мог далее оставаться слепым к сокрушительному эффекту от прекрасной аналогии между фантазией переноса и действительным состоянием дел в прошлом. Я воспроизведу одно из его сновидений того периода, так как оно дает представление о способе его обращения с предметом. Ему приснилось, что он видит мою дочь перед собой с двумя нахлопками из навоза вместо глаз. Ни один из тех, кто понимает язык сновидений, не затруднится сильно с его интерпретацией: оно заявляет, что он женится на моей дочери не за ее "красивые глаза", а за ее деньги.

(ж) Отцовский комплекс и разрешение идеи о крысах

От возбуждавшей болезнь пациента в его взрослые годы причины потянулась нить назад в его детские годы. Он обнаружил себя в ситуации, схожей с той, в которой, насколько он знал или подозревал, находился его отец перед его женитьбой; и он, таким образом, оказался способен идентифицировать себя со своим отцом. Но его умерший отец так или иначе был вовлечен в его текущий приступ. Конфликт, находящийся в корне его болезни, был, в сущности, борьбой между продолжающимися действовать желаниями его отца и его собственными любовными склонностями. Если мы примем во внимание то, что пациент сообщил в течение первых часов его лечения, то мы не сможем избежать подозрения, что эта борьба была очень давней и началась где-то в глубоком его детстве.

Отец нашего пациента был исключительнейшим человеком во всех отношениях. Перед своей женитьбой он был действующим офицером и, как реликты того периода жизни, сохранял прямолинейную солдатскую манеру и склонность говорить без обиняков. Кроме этих добродетелей, которые прославляются над каждым надгробным памятником, он отличался здоровым чувством юмора и добротерпимостью к своим приятелям. То, что он мог быть вспыльчивым и склоняться к насилию, вовсе не противоречило другим его качествам, а, скорее, с необходимостью дополняло их; это изредка смягчало наиболее суровые наказания детей, когда они были молодые и непослушные. Когда они подросли, выяснилось, однако, что он отличается от других отцов отсутствием склонности возводить себя в священные авторитеты, но разделяет с ними знание о мелких ошибках и несчастливых обстоятельствах своей жизни с естественной искренностью. Его сын не преувеличивал, когда декларировал, что они жили как лучшие друзья, за исключением одного пункта. И не должно вызывать сомнений, что именно с этим пунктом связаны мысли о смерти его отца, которые занимали его ум, когда он был маленьким мальчиком, с необычной и несвоевременной интенсивностью и что эти мысли были выражены в форме детских обсессивных идей: и только в этой же связи могло быть так, что он был способен желать смерти отца, для того, чтобы к нему могла пробудиться симпатия той маленькой девочки и она могла стать добрее к нему.

Без сомнения, это было что-то в сфере сексуальности, что стояло между отцом и сыном, и из-за чего отец принял какой-то вид оппозиции преждевременному эротическому развитию сына. Через несколько лет после смерти отца он испытал приятные ощущения от коитуса, и у него неожиданно вспыхнула идея: “Это великолепно! Да за это можно отца родного убить!” Это одновременно был отголосок и разъяснение его детских обсессивных идей. Более того, незадолго до смерти, его отец открыто протестовал против того, что позже стало доминирующей страстью нашего пациента. Он заметил, что его сын вечно пребывает в обществе своей дамы и посоветовал ему держаться от нее подальше, говоря, что это неблагоприятно с его стороны, и что он лишь только делает из себя дурака.

К этому безупречному набору свидетельств мы сможем добавить свежий материал, если рассмотрим онанистическую сторону сексуальной активности нашего пациента. Вообще, по этому вопросу мы наблюдаем конфликт между врачами и пациентами, который до сих пор тщательно не оценен. Пациенты единодушны в их вере, что онанизм, под которым они разумеют мастурбацию в пубертате, есть корень и источник всех их неприятностей. Врачи, в целом, неспособны решить, какой линии придерживаться; но под влиянием того знания, что не только невротики, но и большинство нормальных людей проходят период онанизма в пубертате, склонны дисквалифицировать утверждения пациентов как чрезмерно преувеличенные. По моему мнению, пациенты в который раз оказываются ближе к истине, чем врачи; пациенты улавливают некоторые проблемски истины, в то время как врачи рискуют проглядеть существенный момент. Тезисы пациентов не относятся в точности к фактам в том смысле, в котором они их конструируют, а именно, что онанизм в пубертате (который может быть охарактеризован как типичный) ответственен за все невротические расстройства. Их тезис требует интерпретации. Онанизм в пубертате, на самом деле, не более, чем оживление онанизма детства, вопрос, которым до сих пор неизменно пренебрегали. Инфантильный онанизм достигает высшей точки, как правило, между тремя и четырьмя или пятью годами; и это – самое ясное выражение детского сексуального функционирования, в котором должна прозвучать этиология последующих неврозов. Этим замаскированным способом, таким образом, пациенты возлагают вину за их заболевания на свою инфантильную сексуальность; и они совершенно правы, поступая так. С другой стороны, проблема онанизма становится неразрешимой, если мы пытаемся лечить ее как будто бы она была клинически однородная и забываем, что она может представлять расстройство любого вида сексуального компонента и любого сорта фантазии, рост которой такие компоненты могут провоцировать. Вредные последствия онанизма лишь в малой степени являются автономными – так сказать, определяемыми его собственной природой. Они, по существу, являются неотъемлемой частью патогенного состояния сексуальной жизни в целом. Тот факт, что так много людей могут переносить онанизм – то есть, некоторое его количество – без всякого вреда, показывает, что их сексуальная конституция и путь развития их сексуальной жизни был таков, что они могли использовать свою сексуальную функцию в культурально легитимных пределах (См. Freud, *Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie*, 1905); в то время, как другие, чья сексуальная конституция была менее благоприятна, или их развитие было нарушено, заболевают по причине своей сексуальности, – они не могут, то есть, достигать необходимого подавления или сублимации своих сексуальных компонентов без того, чтобы прибегнуть к помощи замедления или формированию суррогатов.

Поведение нашего пациента на предмет онанизма было исключительно примечательным. Он не давал себе волю в этом во время пубертата в степени, достойной упоминания, и, таким образом, согласно некоторым взглядам, могло ожидать, что он будет свободен от невроза. С другой стороны, тяга к онанистической практике овладела им в 21 год, сразу после смерти отца. Он чувствовал себя очень сильно пристыженным каждый раз, когда прибегал к такому способу удовлетворения и скоро прогнал эту привычку. С этого времени она появлялась только при редких и экстраординарных обстоятельствах. Она провоцировалась, рассказывал он, когда он переживал особенно прекрасные моменты или когда он читал особенно прекрасные пассажи. Однажды это случилось прекрасным летним днем, когда, в центре Вены он услышал, как фрейтор играл на горне наипрекраснейшим образом, пока его не остановил полицейский из-за того, что в центре города играть на горне не разрешено. А в другой раз это случилось, когда он читал в *Dichtung und Wahrheit* о том, как молодой Гете освободился в порыве чувства от действия проклятия, которое ревнивая дама наложила на следующую женщину, которая будет целовать его губы после нее; он долго, почти суеверно, страдал от воздержания, но

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
вот он разбил свои оковы и радостно целует свою любовь снова и снова.

Пациенту казалось нимало не странным, что он был побуждаем к мастурбации именно в таких прекрасных и возвышенных случаях. Но я не мог помочь не обратить внимание, что эти два случая имеют нечто общее – запрещение и вызов власти.

Мы также должны рассмотреть в связи с этим его любопытное поведение в то время, когда он готовился к экзаменам и играл со своей любимой фантазией о том, что его отец все еще жив и может в любой момент появиться. Он обычно устраивал свои рабочие часы настолько поздно, насколько это было возможно. Между двенадцатью и часом ночи он прерывал свою работу, открывал парадную дверь своей квартиры, как если бы его отец стоял за ней; возвращался в холл, извлекал свой пенис и смотрел на него в зеркало. Это безумное действие становится понимаемым, если мы предположим, что он действовал так, как будто ожидал визита отца в час, когда бродят духи. Он, в целом, бездельничал, пока отец был жив, и это часто становилось причиной недовольства отца. И теперь, возвращаясь в качестве духа, он мог быть восхищен, находя своего сына таким трудолюбивым. Но было невозможно, чтобы его отец восхищался другой частью его поведения; оно должно было быть для него вызывающим. Так, в одном бессмысленном навязчивом акте он выражал две стороны своего отношения к отцу, причем делал он это последовательно, так же как и по отношению к даме посредством своего навязчивого акта с камнем.

Отталкиваясь от этих свидетельств и от других данных того же порядка, я рискнул выдвинуть предположение о том, что когда ему не было шести, он был признан виновным за некий сексуальный проступок, связанный с онанизмом, и был чувствительно наказан за это отцом. Это наказание, в соответствии с моей гипотезой, действительно положило конец его онанизму, но, с другой стороны, оставило за собой неискоренимую недоброжелательность к отцу и утвердило того на все времена в качестве помехи сексуальному удовлетворению пациента. (Сравните мои подозрения со сходным результатом на одной из первых сессий). К моему великому изумлению, пациент затем информировал меня, что его мать несколько раз описывала ему происшествия такого рода, которые происходили с его раннего детства, и, очевидно, улетучились, будучи забыты ей по причине их значительных последствий. Он, однако, не имеет таких своих воспоминаний. Его повесть была такова. Когда он был очень мал – дату стало возможным установить более точно благодаря тому, что она совпадала со смертельной болезнью его старшей сестры – он сделал что-то дурное, за что отец его побил. Маленький мальчик впал в ужасную ярость и взорвался руганью в адрес отца, еще продолжая находиться под его ударами. Но так как он не знал ругательств, он обзывал его названиями всех объектов, о которых мог подумать, и кричал: “Ты лампа! Ты полотенце! Ты тарелка!” и тому подобное. Его отец, потрясенный такой вспышкой стихийной ярости, прекратил побои, провозгласив: “Ребенок будет либо великим человеком либо великим преступником!” (Эти альтернативы не исчерпали возможности. Его отец проглядел самый общий результат таких преждевременных страстей – невроз). Пациент верил, что эта сцена оказывала долговременное впечатление как на него, так и на его отца. Его отец, сказал он, никогда не бил его снова; и он также относил на счет этого переживания часть изменений, которые произошли в его собственном характере. С этого времени он стал трусом – из-за страха перед насилием за его собственный гнев. Он всегда боялся ударов, более того, он обычно убегал и скрывался, переполняемый ужасом и возмущением, когда били кого-нибудь из его братьев или сестер.

Пациент последовательно расспросил свою мать снова. Она подтвердила рассказ, добавив, что тот случай произошел между тремя и четырьмя и что он был наказан за то, что сам побил кого-то. Она не смогла припомнить больше никаких деталей, за исключением очень сомнительной идеи о том, что человеком, которого обидел маленький мальчик, могла быть его няня. По ее мнению, не было никаких указаний на то, что его проступок имел сексуальную природу. (В психоанализе мы часто встречаемся со случаями такого рода, датирующимися ранними годами детства пациентов, в которых появляется и достигает кульминации их инфантильная сексуальная активность, что часто приводит к катастрофическим последствиям благодаря несчастным случаям или наказаниям. Такие случаи склонны проявляться в скрытом виде в сновидениях. Часто они становятся настолько ясными, что аналитик полагает, что имеет устойчивое их понимание и, несмотря на это, будет избегать любого законченного разъяснения; и до тех пор, пока он не продолжит разъяснения с великим тщанием и осторожностью, он может быть вынужден оставлять неразрешенным вопрос о том, действительно ли событие имело место, или нет.

Встать на правильный путь интерпретации нам может помочь знание того, что более чем одна версия события (зачастую они сильно отличаются друг от друга) может быть зарегистрирована в бессознательных фантазиях пациента. Если мы не желаем заблуждаться в нашем мнении относительно их исторической реальности, мы должны прежде всего иметь в виду, что человеческие “детские воспоминания” консолидируются в более поздний период, обычно во время пубертата, и, что они вовлечены в сложные процессы реконструкции, подобные тем, посредством которых народы создают легенды о своей ранней истории. И, вместе с тем ясно, что в фантазиях о своем детстве растущий индивид пытается затушевывать воспоминания о своей аутоэротической активности; и делает он это посредством возвеличенной постановки следов памяти на уровень объектной любви, так что реальная история прошлого видится в свете будущего. Это объясняет, почему эти фантазии изобилуют соблазнами и насилием, в то время как факты ограничиваются аутоэротической активностью и ласками или наказаниями, стимулируемыми ей. Более того, становится ясно, что в создаваемых о своем детстве фантазиях индивиды сексуализируют свою память; то есть они привносят в свой опыт отношений обычную сексуальную активность, распространяя на него свой сексуальный интерес – хотя, вероятно, делая так, они идут по следам реально существующих связей. Никому из тех, кто помнит мой “Анализ фобии пятилетнего мальчика” не нужно объяснять, что моя ремарка отнюдь не преследует цель уменьшить важность, которую я придаю инфантильной сексуальности, редуцируя ее до сексуальных интересов в пубертате. Я желаю только дать технический совет, могущий помочь прояснить класс фантазий, которые расцениваются как фальсифицирующие картину инфантильной сексуальной активности. Редко, когда мы находимся в счастливом положении, позволяющем нам, как в представляемом случае, устанавливать факты, базирующиеся на рассказах индивида о своем прошлом благодаря безупречным свидетельствам взрослого человека. Даже в таком случае, описание, данное матерью нашего пациента, оставляет открытым путь для возможных вариаций. То, что она не придавала сексуального характера проступкам, за которые ребенка наказывали, может быть обусловлено активностью ее собственной цензуры; именно собственная тревога всех родителей за наличие сексуальных элементов в прошлом своих детей вызывает их уничтожение цензурой. Но точно так же возможно, что ребенок был порицаем няней или самой матерью за обычное непослушание несексуальной природы, и его реакция была настолько бурной, что он был жестоко наказан отцом. В фантазиях этого типа фигуры нянь или слуг часто замещаются превосходящей фигурой матери. Глубокая интерпретация сновидений пациента в отношении к этому эпизоду обнаруживает яснейшие следы продукции воображения позитивно эпического характера. В них его сексуальные желания к своим матери и сестре и в желание преждевременной смерти сестры были связаны с наказанием молодого героя руками отца. Было невозможно не распутывать ткань этой фантазии нить за нитью; терапевтический успех лечения мог быть достигнут именно на этом пути. Тут пациент обнаружил, что его обыденная жизнь заявляет о своих правах: у него накопилось столько проблем, которыми он до сих пор пренебрегал, и которые несовместимы с продолжением терапии. Я не обвинялся, следовательно, за этот перерыв в анализе. Научные результаты психоанализа представляют лишь побочный продукт его терапевтических целей, и, поэтому, часто именно в те моменты, когда анализ терпит неудачу, делаются самые важные открытия.

Содержание сексуальной жизни в инфантильный период заключается в аутоэротической активности по роли доминирующих сексуальных компонентов, в следах объектной любви и в формировании комплекса, который заслуживает быть названным ядерным комплексом невротиков. Этот комплекс, который включает ранние детские импульсы, такие, как нежность и враждебность по отношению к родителям, братьям и сестрам, после того как было возбуждено любопытство ребенка – обычно прибавлением новых родившихся братьев или сестер. Неоформленность содержания сексуальной жизни детей вместе с неизменным характером тенденций, привносящихся позже, отвечают за схожесть, которая, как правило, характеризует фантазии, конструируемые вокруг периода детства, независимо от того, насколько велик или мал реальный опыт. Существенная характеристика ядерного комплекса детства заключается в том, что отец ребенка рассматривается в роли сексуального оппонента и помехи аутоэротической активности; и реальные события обычно в значительной степени ответственны за его наличие.).

Обсуждение этой детской сцены помещено выше, и здесь я только замечу, что ее новое появление потрясло пациента, что, в первую очередь выразилось в его отказе поверить, что в некоторый предшествующий период его детства он был охвачен яростью (которая впоследствии стала латентной) к своему отцу,

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
которого он так любил. Я должен признаться, что ожидал большего результата из-за того, что инцидент так часто ему описывался – даже самим отцом – что не должно было бы быть сомнений в его объективной реальности. Но со всем сопротивлением логике, которое, однако, не смутит наблюдателя в самом интеллектуальном человеке, если он обсессивный невротик, он сохранял убеждение в отсутствии доказательной силы этого свидетельства на том основании, что сам он не помнит той сцены. И только путем болезненного переноса он оказался способным достигнуть убежденности в том, что его отношение к отцу действительно не обходилось без обусловливания этим бессознательным компонентом. Положение дел вскоре дошло до того, что в своих сновидениях, дневных фантазиях и ассоциациях он начал нагромождать величайшие и грязнейшие оскорбления меня и моей семьи, хотя в своих обдуманных акциях он никогда не относился ко мне иначе, чем с огромным уважением. Когда он повторял эти выпады в мой адрес, его поведение было поведением человека в отчаянии. “Как может такой джентльмен как Вы”, обычно вопрошал он, “позволять себе быть настолько оскорбляемым таким низким, никчемным негодяем, как я? Вы должны были бы выгнать меня вон: это все, чего я заслуживаю.” Говоря так, он вскакивал с кушетки и скитался по комнате, – манера, которую он поначалу объяснял, как обусловленную деликатностью чувств: он не может позволить себе, говорил он, произносить настолько ужасные вещи, так удобно лежа на кушетке. Но вскоре он нашел более основательное объяснение, а именно, что он избегает близко располагаться от меня, так как боится, что я буду его бить. Если он оставался на кушетке, он вел себя как терзаемый ужасом человек и пытающийся спастись от жесточайшей критики безграничного размаха; он стискивал голову руками, прятал лицо в ладонях, внезапно подпрыгивал и убегал, черты его лица искажались болью, и т. д. Он повторял, что его отец обладал вспыльчивым характером и в своем исступлении не знал, где остановиться. Так, мало-помалу, в этой школе страдания, пациент приобрел чувство убежденности, которого ему недоставало – хотя для любого незаинтересованного ума истина должна была бы быть почти самоочевидной. И теперь путь к разрешению его идеи о крысах был свободен. Лечение достигло поворотной точки, и количество информации, до сих пор неиспользуемое, стало доступным, что сделало возможной реконструкцию полной совокупности событий.

В своем описании я, как уже говорил, удовлетворюсь самым кратким из возможных заключением. Очевидно, что первая проблема, которая должна быть решена, заключается в том, почему два сообщения чешского капитана – его рассказ о крысах и его требование о возвращении пациентом денег лейтенанту А. – должна была вызвать такое возбуждение пациента и спровоцировать такие бурные патологические реакции. Предположение заключалось в том, что это была проблема “комплексной чувствительности”, и что эти сообщения “раздражали” определенные сверхчувствительные участки его бессознательного. Так это, как оказалось, и было. Как это всегда случалось с пациентом во время событий милитаристского плана, он находился в состоянии бессознательной идентификации со своим отцом, чью военную службу он наблюдал много лет и чьиими историями о солдатских буднях он был буквально погружен. Теперь случайно вышло – случай может сыграть роль в формировании симптома также, как игра словами может помочь родиться шутке – что одно из отцовских маленьких приключений имело важный элемент, общий с требованием капитана. Отец, находясь в своей должности неполномочного штабного работника (non-commissioned officer), контролировал небольшую сумму денег и однажды проиграл ее в карты. (Таким образом, он был “Spielratte” ([литературное “play-rat”. “картежник” на разговорном немецком. – перев.]). И он бы попал в серьезную переделку, если бы один из его товарищей не ссудил бы его деньгами. После того, как он оставил армию и стал состоятельным, он попытался найти своего друга для того, чтобы вернуть ему деньги, но он не смог найти его следов. Пациенту было не известно точно, увенчалась ли эта акция по возвращению денег успехом. Воспоминание об этом грехе отцовской молодости было для него болезненным из-за того, что, несмотря на всю наружность, его бессознательное было заполнено враждебной критикой отцовского характера. Слова капитана “Вы должны вернуть 3.80 крон лейтенанту А.” прозвучали для него как намек на неоплаченный долг его отца.

Информация о том, что молодая дама на почте в Z--- сама внесла плату за посылку, с дополнительной лестной ремаркой о нем (не должно быть забыто, что он знал об этом перед тем как капитан потребовал от него передать деньги лейтенанту А. Это обстоятельство жизненно важно для всей истории, и, вытеснив его, пациент вверг себя в состояние прискорбнейшей неразберихи и некоторое время предотвращал возникновение у меня идеи о смысле всего этого.) , интенсифицировало его идентификацию с отцом и в некотором другом

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
направлении. На этой стадии анализа он привнес новую информацию о том, что у хозяина гостиницы в местечке, где располагалась почта, была прелестная дочь. Она решительно благоволила молодому щеголеватому офицеру, так что он думал вернуться туда после окончания маневров и попытаться составить свое счастье с ней. Теперь, однако, у нее была соперница в лице молодой дамы с почты. Подобно своему отцу в его деле с женитьбой, он имел теперь возможность колебаться на предмет того, какую из двух ему следует предпочесть после окончания военной службы. Мы можем увидеть, наконец, что его необычная нерешительность в том, следует ли ему ехать до Вены или вернуться назад в местечко с почтой, и постоянное искушение повернуть назад, которое он испытывал во время своего путешествия, не было таким бессмысленным, как казалось поначалу. Его сознательному рассудку притяжение его к пункту Z---, где была почта, казалось объясняемым необходимостью видеть лейтенанта А. и исполнить с его помощью свою клятву. Но на самом деле, притягивала его молодая дама на почте, а лейтенант был только ее хорошей заменой, так как жил он в том же пункте и курировал военную почтовую службу. И когда впоследствии он услышал, что не лейтенант А., а другой офицер, Б., дежурил на почте в тот день, он замечательно вставил его в свою комбинацию; и оказался потом способен репродуцировать в своем делирии в связи

Рис. 1

с двумя офицерами колебания, которые он чувствовал между двумя девушками, которые так по-доброму были расположены к нему. ((Дополнительные записки, 1923). - Мой пациент пришел в такое смятение в этом маленьком эпизоде с возвратом платежа за пенсне, что, может быть, мое собственное мнение об этом также не было совершенно ясным. Поэтому я воспроизвожу здесь маленькую карту (Рис. 1), при помощи которой г. г. Стрэчи (Mr. and Mrs. Strachey) попытались представить ситуацию к моменту окончания маневров. Мои переводчики справедливо заметили, что поведение пациента остается непостижимым, если не предоставить следующую информацию, а именно, что лейтенант А. жил раньше в пункте Z---, где была почта, и курировал военную корреспонденцию, но в последние несколько дней он передал свой ордер лейтенанту Б., а самого его перевели в другую деревню. "Враждебный" капитан ничего не знал об этих изменениях, и это объясняет его ошибку в предложении вернуть деньги лейтенанту А.).

Для объяснения эффекта, произведенного рассказом капитана о крысах, мы должны ближе следовать курсу анализа. Пациент начал продуцировать огромное количество ассоциативного материала, который поначалу, однако, не проливал света на обстоятельность, при которых имело место формирование его обсессии. Идея о наказании, выносимом посредством крыс, подействовала как стимул на его влечения и вызвала целую серию воспоминаний; так что в тот короткий промежуток времени между рассказом капитана и его требованием о возврате денег, крысы приобрели серию символических значений, к которой, в течение последующего периода, постоянно добавлялись свежие. Я должен сознаться, что могу предложить очень неполное обоснование всего этого. Тем, почему наказание крысами возбудило его больше, чем что либо, был его анальный эротизм, который играл важную роль в его детстве и сохранялся в течение многих лет, через посредство постоянного раздражения, обусловленного глистами. Этим путем крысы приобрели значение "денег". (См. "Характер и анальный эротизм", Character and Culture, Collier Books edition BS 193 V.). Пациент дал указание на эту связь отреагировав на слово "Ratten" ["крысы"] ассоциацией "Raten" ["очередной взнос"]. В своем обсессивном делирии он отчеканил себя в регулярной крысиной валюте. Когда, например, отвечая на его вопрос, я рассказал ему о стоимости часа лечения, он сказал себе (как я узнал шесть месяцами позже), "Насколько много флоринов, настолько много крыс". Мало-помалу он перевел на этот язык целый комплекс денежных интересов, которые центрировались относительно его доли в наследстве отца; иначе говоря, все его идеи, связанные с этим предметом, были, на манер вербального моста "Raten - Ratten", перенесены в его обсессивную жизнь и стали подчинены его бессознательному. Более того, просьба капитана о возврате денег за посылку усилила денежное значение крыс при помощи другого вербального моста "Spielratte", который обратил его к карточному долгу отца.

Но пациент был также знаком с тем, что крысы являются переносчиками опасных инфекционных заболеваний; он мог, таким образом, использовать их как символы своего страха (достаточно оправданного в армии) сифилитической инфекции. Этот страх замаскировал все виды сомнений относительно того

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
образа жизни, который вел его отец во время его военной службы. Также, пенис, сам по себе – носитель сифилитической инфекции; и таким образом он мог рассматривать крысу как мужской половой орган. Это давало следующее основание быть таким озабоченным; так как пенис (особенно детский пенис) может быть легко сравним с глистом, а рассказ капитана был о крысах, вбуравливающих в чей-то анус, как большой округлый глист в нем, когда он был ребенком. Таким образом, пенисовое значение крыс было основано, еще раз, на его анальном эротизме. И отдельно от этого, крыса – животное грязное, питающееся отбросами и живущее в канализациях. (Если читатель чувствует соблазн покачать головой от всех этих возможных скачков воображения невротического ума, я могу напомнить ему, что артисты иногда дают себе волю в подобных причудливых фантазиях. Таковы, например, *Diableries erotiques Le Poitevin'a.*). Возможно, не является необходимым обращать внимание на то, каким большим стало расширение исступления крысами благодаря этому новому значению. Например, “настолько много крыс, насколько много флоринов” может служить прекрасной характеристикой определенной женской профессии, которая была ему особенно отвратительна. С другой стороны, определено, не проблемой беспристрастности является то, что замена крысы на пенис в рассказе капитана результировала в ситуацию совокупления через анус, которая не могла не быть особенно отталкивающей для него, будучи приведена в связь с его отцом и женщиной, которую он любил. А когда мы учтем, что такая же ситуация была репродуцирована в непреодолимую идею, которая сформировалась у него в голове после распоряжения капитана, мы с необходимостью вспомним об особенных проклятиях, распространенных среди южных славян. (Точную терминологию этих проклятий можно найти в периодическом *Anthropophyteia*, издаваемого F. S. Krauss.). Более того, весь этот материал, и многое кроме него, было соткано в материю крысиных дискуссий, позади скрывающей ассоциации “*heiraten*” [жениться].

История о наказании крысами, как было продемонстрировано мнением самого пациента и экспрессией его лица, когда он повторял мне ее, разожгла страсти всех его предварительно вытесненных импульсов враждебности, равно как эгоистических и сексуальных. Однако, несмотря на все это богатство материала, свет на смысл его обсессивной идеи не был пролит до тех пор, пока однажды в анализе не всплыла крыса-жена из Little Eyołf Ибсена, и стало невозможно избегать вывода, что во многих проявлениях его обсессивного делирия крысы имели еще и иное значение, а именно, значение детей. (Ибсеновская крыса-жена определено должна была происходить от легендарного Пестрого Дудочника Хамелина, который сначала увлек крыс в воду, а потом, таким же образом, выманил детей из города, и они никогда не вернулись обратно. Так, Маленький Eyołf тоже бросился в воду под действием чар Крысы-жены. В легендах крысы появляются, в основном, не как неприятные создания, но как нечто сверхъестественное – как роковые животные; и обычно используются для представления душ умерших.). Исследования источника этого нового смысла однажды поставили меня перед лицом одного из самых ранних и важных корней. Однажды, когда пациент посетил отцовскую могилу, он заметил большое животное, которое он принял за крысу, проскользнувшую над могилкой. (Без сомнения, это была ласка, огромное количество которых развелось в *Zentralfriedhof* [главное кладбище] в Вене.). Он предположил, что она только что выскочила из могилы отца, где поедала его труп. Это представление неразрывно связалось с тем фактом, что у крысы есть острые зубы, которыми она грызет и кусает. (Сравните со словами Мефистофеля [когда он хочет пройти в дверь, охраняемую магической пентаграммой]: [“Но чтобы магию порога этого преодолеть, Нуждаюсь я в зубах крысиных. (Он вызывает крысу.) Еще удар, и дело сделано!” Гете, Фауст, часть I.]). Но крысы не могут быть острозубыми, жадными и грязными безнаказанно: они жестоко наказываются и безжалостно предаются смерти людьми, что пациент не раз с ужасом наблюдал. Он часто жалел бедных созданий. Но сам он был как такой противный, грязный, маленький, маленький негодяй, который склонен бить людей, когда бывает в ярости, и был справедливо наказываем за это. Он был правдивым, говоря, что нашел в крысе “живое сходство с собой”. ([“В надменной крысе видел он с собой живое сходство.” *Faust*, часть I., Сцена в погребу Ауэрбаха.]). Это было, почти как если бы Судьба, когда капитан рассказал ему историю, подвергла его ассоциативному тестированию: она произнесла “комплексное слово-стимул”, а он отреагировал на него обсессивной идеей.

Соответственно, продолжая, его самым ранним и важным переживаниям, крысы были детьми. В этом месте он высказал информационный отрывок, который он держал отделенным от контекста довольно долго, но который теперь полностью объяснил интерес, который связывал его чувства к детям. Дама, чьим

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
поклонником он был так много лет, но помыслить жениться на которой он не был никогда способным, была обречена на бездетность по причине гинекологической операции, которая включала удаление обоих яичников. Это, на самом деле – так как он исключительно любил детей – было главной причиной его колебаний.

Только теперь стало возможным понять необъяснимый процесс, посредством которого сформировалась его обсессивная идея. При наличии у нас знания инфантильных сексуальных теорий и символизма (о котором знаем из интерпретации сновидений) проблема в целом может быть истолкована и ей можно придать смысл. Когда, во время дневного привала, капитан рассказал пациенту о наказании крысами, тем сначала овладели враждебность, смешанная со сладострастием нарисованной ситуации. Но сразу после этого установилась связь со сценой из его детства, в которой он сам кого-то побил. Капитан – человек, который защищал подобные наказания – был замещен его отцом и, таким образом, пациент частично утонул в ожившем раздражении, которое вспыхнуло в исходной сцене против враждебного отца. Идея, которая пришла к нему в сознание в этот момент насчет того, что нечто такое может произойти с кем-то, кого он любит, вероятно, была преобразована в желание такое как “с тобой следовало бы такое сделать!”, адресованное рассказчику, но через него и своему отцу. Через полтора дня (не вечером, как он говорил мне вначале. Практически невозможно, чтобы пенсне, которое он заказал, прибыло в тот же день. Пациент ретроспективно укоротил временной интервал, потому что в этот период установилась решающие ментальные связи, и в этот период был вытеснен имевший место эпизод его беседы с офицером, который сообщил ему о благосклонном отношении к нему молодой девушки с почты.) , когда капитан вручил ему оплаченную посылку с требованием возвратить 3.80 крон лейтенанту А., он уже был осведомлен о том, что его “враждебный начальник” делает ошибку, и что единственным человеком, которому он что-то должен, была молодая девушка на почте. Ему, таким образом, легко могла бы придти в голову какая-нибудь насмешливая реплика, вроде “Еще б я это сделал!” или “Бабушке своей заплати!” или “Ну конечно! Уж будьте уверены, верну я ему эти деньги!” – ответы, которые не были бы по сути компульсивными. Но вместо этого, из-за взбалтывания отцовского комплекса и оживления в памяти сцены детства у него в голове сформировался такой ответ: “Да! Я верну деньги А., когда у моего отца или у моей дамы будут дети!” или “То, что я верну ему деньги так же верно, как то, что мой отец или моя дама могут иметь детей!” Короче говоря, ироническое утверждение соединилось с абсурдным условием, которое никогда не могло быть выполнено. (Так абсурдность означает иронию в стилистике обсессивных мыслей также, как это делается в сновидениях. См. З. Фрейд, Толкование сновидений (1900).).

Но теперь преступление было совершено; он оскорбил двух людей, самых дорогих для него – своего отца и свою даму. Деяние вызвало наказание, и взыскание выразилось в том, что он связал себя клятвой, которую невозможно было исполнить и которая повлекла буквальное следование необоснованному требованию начальника. Клятва прозвучала следующим образом: “Теперь ты должен действительно вернуть деньги А.” В этом судорожном послушании он вытеснил свое лучшее знание того, что просьба капитана основывалась на ложной посылке: “Да, ты должен вернуть деньги А., как требует заместитель твоего отца. Твой отец не может ошибаться.” Так же и король не может ошибаться; если он называет своего подданного по титулу, которого у того нет, подданный его тут же получает.

Только лишь смутное представление об этих событиях достигло сознания пациента. Его протест против приказа капитана и его внезапная трансформация в свою противоположность – оба были представлены здесь. Сначала пришла идея, что он не вернет деньги, или это (то есть наказание крысами) случится. И затем произошла трансформация этой идеи в клятву с противоположным эффектом в виде наказания за этот протест.

Давайте, далее изобразим общие условия, при действии которых произошло формирование великой обсессивной идеи пациента. Его либидо, накопленное в течение долгого периода воздержания, связалось благожелательным привечанием, которое молодой офицер всегда учитывал по его получению, находясь среди женщин. Более того, во время его участия в маневрах, имело место определенное охлаждение между ним и его дамой. Интенсификация либидо склоняла его к возобновлению былой борьбы против отцовской власти и он отважился размышлять о возможности сексуальных отношений с другими женщинами. Его лояльность к отцу слабела, его сомнения относительно достоинств своей дамы возрастали. И в рамках этих чувств он позволил себе

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
вовлечся в оскорбление их обоих и затем наказал себя за это. Делая так, он копировал старую модель. И когда по окончании маневров он так долго колебался, следует ли ему ехать в Вену, или остановиться и исполнить свою клятву, он репрезентировал в одной картине два конфликта, от которых он с самого начала отворачивался – следует ему или не следует оставаться покорным своему отцу и следует ему или не следует оставаться верным своей возлюбленной. (Возможно, небезынтересно отметить, что снова покорность отцу становилась в связь с отказом от дамы. Если бы он прекратил поездку и вернул А. деньги, он совершил бы акт искупления по отношению к отцу и, в то же время бросил бы свою даму, предпочтя ей какую то еще, более привлекательную. В этом конфликте дама победила – при содействии, можно быть уверенным, здравого смысла пациента.) Я могу добавить замечание по интерпретации “санкции”, которая, как мы помним, была результатом того, что “иначе они оба будут подвергнуты наказанию крысами”. Это было обосновано влиянием двух инфантильных сексуальных теорий, которые обсуждались в другой раз. (“О сексуальных теориях детей”, *The Sexual Enlightenment of Children*, Collier Books edition BS 190v.) . Первая из этих теорий заключается в том, что дети рождаются из ануса; а вторая, логически вытекающая из первой, что мужчины могут рожать детей так же, как и женщины. Следуя техническим правилам интерпретации сновидений, понятие о выходе из прямой кишки может быть представлено в виде противоположного о вползании в прямую кишку (как при наказании крысами) и наоборот.

Мы не можем быть оправданы в своих ожиданиях того, что такие тяжелые навязчивые идеи, как представленная в этом случае, были бы разъяснены более простым образом или иными средствами. Когда мы достигли описанного выше решения, крысиный бред пациента исчез.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

II. Теоретическая часть.

(а) Некоторые общие характеристики обсессивных формирований.

(Некоторые из положений, обсуждаемых здесь и в следующей секции, уже упоминались в литературе по обсессивным неврозам, например, в исчерпывающей работе Lowenfeld, *Die psychischen Zwangsercheinungen*, 1904, которая является стандартной по данной форме расстройства.)

В 1896 году я определил обсессивные или компульсивные идеи как “укоры, вырывающиеся из-под действия вытеснения в превращенной форме – укоры, которые неизменно относятся к сексуальным действиям, выполняемым с удовольствием в детстве.” (“Further Remarks on the Defence Neuro-Psychoses,” *Early Psychoanalytic Writings*, Collier Books edition BS). Это определение теперь представляется мне уязвимым для критики по формальным основаниям, хотя составляющие его элементы не вызывают возражений. Его направленность слишком общая, как будто его моделью является собственная практика обсессивных невротиков, когда, с такой их характерной чертой как предрасположенностью к неопределенности, они скапливают под названием “навязчивые идеи” самые гетерогенные психологические формирования. На самом деле, правильнее было бы говорить об “обсессивном мышлении” и пояснить, что обсессивные структуры могут соотноситься с ментальным актом любого сорта. Они могут различительно быть классифицированы на желания, искушения, импульсы, размышления, сомнения, команды или запрещения. Пациенты в общем стараются смягчать эти различия и расценивать то, что остается от этих ментальных актов, после того они лишаются своего аффективного индекса, просто как “навязчивые идеи”. Наш пациент дал пример такого типа поведения на одной из первых сессий, когда попытался редуцировать желание до уровня простой “мысленной связи”.

Нужно признать, кроме того, что даже феноменологии обсессивного мышления до сих пор не уделялось должного внимания. В продолжение вторичной защитной борьбы, которую пациент ведет против “навязчивых идей”, прорывающихся в его сознание, появляются психологические формирования (Погрешность моего определения в некоторой степени самоскорректировалась в статье. Следующий отрывок находится там же, на стр. 158: “Воскрешенные воспоминания и самоупреки, ими обоснованные, однако, никогда не появляются в сознании в неизменной форме. Навязчивая идея и навязчивые аффекты, которые появляются в сознании и занимают место патогенных воспоминаний в сознательной жизни есть компромиссные формирования между вытесняемыми и вытесняющими идеями.” В определении, таким образом, особое ударение

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org ставиться на слова “в превращенной форме.”), заслуживающие специального названия. (Такова, например, была последовательность мыслей, оккупировавшая ум нашего пациента во время его возвращения с маневров.) Это не вполне разумные умозаключения, появляющиеся в качестве оппозиционных навязчивым мыслям, но как это было, гибриды между двумя разновидностями мышления; они получают качество определенности от obsessions, с которыми борются и, вооруженные причинностью, оказываются, таким образом, патологически обоснованными. Я полагаю, что такие формирования как эти, заслуживают названия “делирий”. Чтобы сделать разницу ясной, я приведу пример, которому следовало бы быть вставленным в его собственный контекст в истории болезни пациента. Я уже описывал безумное поведение, которому он дал возможность проявиться во время подготовки к экзаменам – когда, работая глубокой ночью, он обычно открывал парадную дверь призрак отца, а затем рассматривал свои гениталии через увеличительное стекло. Он пытался обратиться к своим чувствам, спрашивая себя, что бы сказал на это его отец, как если бы тот действительно оставался живым. Но довод не имел успеха, пока выдвигался в рациональной форме. Дурные предчувствия не рассеивались до тех пор, пока он не трансформировал ту же идею в “делириозную” угрозу воздействия о том, что если он когда-либо произведет эту бессмысленную акцию снова, что-то плохое случится с его отцом в следующем мире.

Разница между первичной и вторичной защитной борьбой, без сомнения, обоснована хорошо, но мы находим ее значение неожиданно заниженным, когда обнаруживаем, что пациенты сами не знают формулировок своих навязчивых идей. Это может звучать парадоксально, но имеет вполне здравый смысл. Когда психоанализ идет вперед, не только пациент собирается с духом, но его расстройство также. Метафорически, случается так, что пациент, который до сих пор с ужасом отводил глаза от своей патологической продукции, начинает замечать ее и получает о ней более ясное и детальное представление. (Многие пациенты настолько сильно отвлекают свое внимание, что они вообще оказываются неспособны сообщить о содержании obsessionalной идеи или описать obsessionalную акцию, которую они производят снова и снова.).

Существуют, кроме того, два заслуживающих внимания способа, посредством которых может быть получено более точное знание об obsessionalных формированиях. В первую очередь, опыт показывает, что obsessionalная команда (какая бы она не была), которая в состоянии бодрствования известна только в урезанной или искаженной форме, подобной искаженному телеграфному посланию, может иметь свой действительный текст; на это может быть пролит свет сновидением. Такие тексты появляются в сновидениях в виде речей и они, таким образом, являют собой исключение из правила, согласно которому речи в сновидениях отличаются от речей в реальной жизни. (См. Freud, *Die Traumdeutung* (1900), Seventh Edition, p. 283.). Во-вторых, при анализе истории болезни, убеждаешься, что, если несколько obsessions сменяют друг друга, то часто – хотя словесно они могут быть и не идентичны – они суть совершенно одно и то же. От obsessionalной можно успешно избавиться при ее первом появлении, но она возвращается вторично в искаженной форме и не узнается и может теперь более эффективно удерживаться в защитной борьбе, именно вследствие своей искаженной формы. Но первоначальная форма правдива и она часто демонстрирует свое значение довольно открыто. Когда мы прилагаем все старания к разъяснению непостижимой obsessionalной идеи, часто случается так, что пациент информирует нас о том, что именно то представление, желание или соблазн, которые мы придумали, на самом деле появлялись однажды перед тем, как возникла obsessionalная идея, но не сохранились впоследствии. К сожалению, нас слишком надолго отвлекло бы, если бы мы привели пример этого из истории пациента.

То, что формально описывается как “obsessionalная идея”, представляет, таким образом, в своем искажении первоначальной формулировки, следы первичной защитной борьбы. Это искажение дает возможность ей (формулировке) сохраниться, так как сознательное мышление вынуждено понимать ее превратно, точно как если бы она была сновидением; сновидения также являются продуктами искажения и компромисса, и мы так же превратно понимаем их бодрствующей мыслью. Это превратное понимание со стороны сознательного может быть замечено за работой не только в отношении obsessionalных идей как таковых, но также в отношении продуктов вторичной защитной борьбы, таких, например, как защитные формулы. Я могу привести два хороших примера этого. Наш пациент обычно использовал в качестве защитной формулы быстро произносимое “aber” [“но”], сопровождаемое жестом отрицания. Однажды он рассказал мне, что эта формула к настоящему времени изменилась; теперь он произносит не “aber”, а “aber”. Когда я попросил его объяснить причину

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
этого, он заявил, что непрогнозируемая “e” во втором слоге не дает ему ощущения безопасности от вторжения, которого он так боялся, некоего инородного и неуместного элемента, и, поэтому он решил сделать ударение на “e”. Это объяснение (исключительный пример обсессивного невротического стиля) было, однако, очевидно неадекватно. Самое большее, это можно назвать рационализацией. Правда заключалась в том, что “aber” было аппроксимацией к сходно звучащему “Abwehr” [“защита”], термину, о котором он узнал в ходе наших теоретических дискуссий о психоанализе. Таким образом он нелегитимно и “безумно” приладил лечение для использования в качестве усиления защитной формулы. В другой раз он рассказал мне о своем главном магическом слове, которое было аротропаис против всякого зла; он составил его из начальных букв наиболее мощной и благотворной из его молитв и в его конце накладывал “amen”. Я не могу воспроизвести само слово, по причинам, которые будут немедленно разъяснены. Когда он сообщил мне его, я отметил, что слово было на самом деле анаграммой имени его дамы. Ее имя содержало “s”, и его он поставил последним перед “amen” в конце. Мы можем сказать, что в процессе этого он производил контакт своего “Samen” [“semen”] и женщины, которую любил; в воображении, он, так сказать, мастурбировал с ней. Он сам, однако, никогда не замечал этой очевидной связи; его защитные силы позволяли себе быть одураченными силами вытеснения. Это также хороший пример правила, по которому вещь, отклоняемая с помощью некоторых средств, неизменно находит свой путь, используя те же средства, которыми ее отклоняли.

Я уже замечал, что обсессивные мысли подвергаются искажениям, сходным с теми, которым подвергаются мысли сновидения перед тем, как стать манифестным содержанием сновидения. Техника такого искажения может, таким образом, быть интересна для нас, и ничего не мешает выявить его различные формы посредством толкования и прояснения обсессивных серий. Но здесь снова условия публикации этого случая делают невозможным привести более чем несколько примеров этого. Не все из обсессий пациента были столь сложны по структуре и трудны для толкования, как великая идея о крысах. В некоторых использовалась очень простая техника, а именно – искажение посредством пропуска или эллипсиса (опущение слов, легко подразумеваемых – прим. рус. пер.). Эта техника находит превосходное применение в шутках, но в нашем случае она проделала полезную работу в качестве средства защиты от понимания.

Например, одна из самых старых и излюбленных обсессий пациента, (относящаяся к предостережению или предупреждению) звучала так: “Если я женюсь на даме, с отцом случится какое-то несчастье (в следующем мире).” Если мы вставим промежуточные звенья, пропущенные, но известные нам из анализа, мы получим следующий мысленный ряд: “Если бы мой отец был жив, он пришел бы в такую же ярость по поводу моего замысла, в какую он пришел в сцене моего детства; так что я должен разгневаться на него еще раз и пожелать ему всевозможного зла; и, благодаря всемогуществу моих желаний (Это всемогущество обсуждается в дальнейшем.) эти несчастья будут вынуждены с ним произойти”.

Вот другой пример, объяснение которого может быть произведено заполнением эллипсиса. Это опять-таки нечто вроде предупреждающего или вызывающего воздержание запрещения. У пациента был симпатичная маленькая племянница, которую он очень любил. Однажды ему в голову пришла идея: “Если ты позволишь себе коитус, что-нибудь случится с Эллой” (то есть она умрет). Когда пропуски были восполнены, мы получили: “Всякий раз, когда ты вступаешь в половую связь, даже с незнакомкой, ты не можешь избежать размышления о том, что твоя половая жизнь в браке никогда не принесет тебе детей (по причине стерильности дамы). Это огорчает тебя до такой степени, что ты завидуешь своей сестре на предмет Эллы и ты готов испытывать недоброе чувства к ребенку. Эти импульсы зависти неизбежно приведут к смерти ребенка.” (Пример, содержащийся в другой моей работе, *Der Witz* (1905), Forth Edition, p. 63, напоминает читателю о способе, которым эта эллиптическая техника используется при построении шуток: “В Вене работал остроумный и драчливый журналист, чьи резкие выпады неоднократно приводили к рукоприкладству со стороны объектов его нападок. Однажды, при обсуждении свежего злодеяния одного из его привычных оппонентов, некто воскликнул: “Если бы Х. слышал это, его уши бы снова закрылись...” Кажущаяся абсурдность этой ремарки исчезает, если между главным и придаточным предложениями вставить слова: “Он бы написал такую едкую заметку о том человеке, что и т. д.” – Эта эллиптическая шутка, как мы можем заметить, сходна как по содержанию, так и по форме с первым из приведенных в тексте примеров.). Техника искажения посредством эллипсиса представляется типичной

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
для обсессивных неврозов; я также встречал ее в обсессивных мыслях других пациентов.

Один пример, особенно показательный, представляет специальный интерес в свете его структурной схожести с идеей о крысах. Это был случай сомнений у дамы, которая страдала преимущественно от навязчивых действий. Эта дама пошла со своим мужем на прогулку в Нюрнбург (Nuremberg) и заставила его повести себя в магазин, где накупила товаров для своего ребенка и, среди них, расческу. Ее муж, найдя что шоппинг оказался на его вкус слишком долог, заявил, что он заметил несколько монет в старом антикварном магазинчике по пути сюда, но, который, он беспокоится, может закрыться, добавив, что после того, как он сделает там свою покупку, он вернется и найдет ее в том магазине, в котором они находятся сейчас. Но он отсутствовал, как ей показалось, слишком долго. Когда он вернулся, она поэтому спросила его, где он был. “Да ведь”, ответил он – “В том старом антикварном магазине, о котором я тебе говорил.” В этот момент она почувствовала тревожное сомнение в том, что не обладала ли она, на самом деле, всегда, той расческой, которую она приобрела только что для своего ребенка. Естественно, она была практически неспособна обнаружить простую ментальную связь, которая была задействована. Ничего другого не остается, кроме как расценить ее сомнение как смещенное, и реконструировать полную последовательность бессознательных умозаключений в следующем виде: “Если правда, что ты был только в старом антикварном магазине, если я действительно этому верю, то я точно также могу поверить, что расческа, которую я купила только что, была у меня долгие годы.” Здесь, таким образом дама провела насмешливые и иронические параллели, как и наш пациент, когда он думал: “О, да, тогда же, когда эти двое (его отец и дама) будут иметь детей, я верну деньги лейтенанту А.” В случае дамы ее сомнение зависело от ее бессознательной ревности, которая привела ее к предположению, что ее муж провел любовную интригу за время своего отсутствия.

Я не буду пытаться в этой статье обсуждать психологическое значение обсессивного мышления. Результаты такой дискуссии должны были бы иметь экстраординарное значение и сделать большее для прояснения наших идей о природе сознательного и бессознательного, чем любое изучение истерии или феномена гипноза. Наиболее желательно было бы, если бы философы и психологи, которые развивают выдающиеся теоретические взгляды на бессознательное, основанные на слухах или исходя из их собственных конвенциональных убеждений, сначала бы подверглись убеждающим впечатлениям, которые могут быть получены при изучении феномена обсессивного мышления из первых рук. Мы могли бы почти осмелиться потребовать этого от них, если бы задача не была бы такой настолько более трудоемкой, чем те методы работы, к которым они приучены. Я лишь добавлю здесь, что при обсессивных неврозах бессознательные ментальные процессы случайно прорываются в сознание в своей чистой и неискаженной форме, что такие вторжения могут иметь место на всевозможных стадиях процесса бессознательного мышления, и, что в момент вторжения обсессивные идеи могут, по большей части быть распознаны как формации очень длительного существования. Это объясняет то замечательное обстоятельство, что когда аналитик старается с помощью пациента открыть случай первого появления обсессивной идеи, пациент вынужден помещать его все дальше и дальше в прошлое по мере анализа и он постоянно находит свежие “первые” случаи появления обсессии.

(б) Некоторые психологические особенности обсессивных невротиков: их отношение к реальности, сверхъестественному и смерти

В этой секции я намерен рассмотреть вопрос о некоторых ментальных характеристиках обсессивных невротиков, которые, хотя и не кажутся важными им самим, тем ни менее, лежат на пути к пониманию более важных вещей. Они были резко очерчены у нашего пациента; но я считаю, что они не были определяющими в его индивидуальном характере, но в его расстройстве, и что они с достаточным однообразием встречаются у других обсессивных пациентов.

Наш пациент был в высокой степени суеверен и это несмотря на то, что он был высокообразованный и просвещенный человек значительной проницательности и, несмотря на то, что он временами был способен уверить меня, что не верит ни одному слову из всей этой чепухи. Таким образом, он был одновременно и суеверен и не суеверен; и имелось ясное различие между его отношением и суевериями необразованных людей, которые чувствуют себя в согласии со их верой. Казалось, он понимал, что его суеверие зависело от его обсессивного мышления, хотя временами он давал ему полную свободу. Смысл этого

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
непостоянного и нерешительного поведения может быть понят наиболее легко, если мы будем расценивать его в свете гипотезы, к изложению которой я сейчас перехожу. Я не колеблюсь в предположении, что правда была не такова, что пациент все еще имел широкий взгляд на этот предмет, а такова, что у него было два разделенных и противоречивых убеждения по этому поводу. Его колебания между этими двумя точками зрения очевидно зависели от его сиюминутной позиции в определенный момент его обсессивного невроза. Коль скоро он брал верх над одной из тех обсессий, он обычно презрительно улыбался в превосходящей манере над своим собственным легковерием; и ему не приходило в голову ничего, что могло бы рассчитывать поколебать его твердость; но тут же он оказывался под властью другой обсессии, которая не была еще прояснена – или, что равнозначно одному и тому же явлению сопротивления – самые удивительные совпадения могли случаться для того, чтобы поддержать его в его легковерии.

Его суеверия были, тем ни менее, суевериями образованного человека, и он избегал таких вульгарных предрассудков, как страх Пятницы или числа 13 и т. д. Но он верил в предчувствия и в пророческие сны; он постоянно встречал тех людей, о которых, по какой-то необъяснимой причине только что думал; или он получал письмо от кого-то, кто неожиданно приходил к нему в голову после многолетнего забвения. В то же самое время он был достаточно честен – или, скорее, достаточно лоялен к своему формальному убеждению – не иметь забытых примеров того, когда самые необыкновенные плохие предзнаменования не приводили ни к чему. Однажды, например, когда он уехал на летние каникулы, то почувствовал, что фактически наверняка ему в Вену живым не вернуться. Он также замечал, что подавляющее большинство его предчувствий относились к вещам, которые не были важны для него лично, и, что когда он встречал знакомого, о котором он до нескольких мгновений перед встречей не думал очень долгое время, ничего более не происходило между ним и сверхъестественным появлением. И он, естественно, не мог отрицать, что все важные события его жизни происходили без того, что у него было какое-либо предчувствие их, и, что, например, смерть отца, была для него полной неожиданностью. Но подобные аргументы не оказывали влияния на противоречия в его убеждениях. Они лишь служили поддержкой обсессивной природе его суеверий и это могло быть выведено уже из путей и способов, которыми они приходили и уходили при возрастании или снижении его сопротивления.

Я, разумеется не занимал позиции такой, чтобы давать рациональное объяснение всем этим сверхъестественным историям его отдаленного прошлого. Но относительно похожих событий, которые происходили с ним во время лечения, я мог доказать ему, что он неизбежно прикладывал руку к производству этих сверхъестественных событий и был способен указать ему на методы, которые он использовал. Он действовал посредством косвенного видения и чтения, забывания, ошибок памяти. В конечном счете, он сам обычно помогал мне раскрывать эти маленькие трюки и ловкость рук, с помощью которых эти чудеса происходили. Я могу упомянуть об одном интересном детском корне его веры в то, что плохие предзнаменования и предчувствия оправдываются. Свет на это был пролит его воспоминанием о том, что очень часто, когда дата чего-либо была назначена, его мать говорила так: “Я не смогу в такой-то день. Мне должна буду тогда остаться в постели.” И действительно, когда день, о котором идет речь, наступал, она неизменно оставалась в постели!

Не может быть никакого сомнения в том, что пациент чувствовал нужду найти переживания такого сорта, которые действовали в качестве реквизита для его суеверия, и что это происходило по той же причине, по какой он занимал себя так много необъяснимыми совпадениями каждодневной жизни, с которыми мы все знакомы, и скрывал их дефекты своей бессознательной активностью. Я сталкивался с такими же потребностями у многих других обсессивных пациентов и подозревал их присутствие у многих, кроме них. Это кажется легко объяснимым в свете психологических особенностей обсессивных неврозов. При этих расстройствах, как я уже объяснял, вытеснение действует не посредством амнезии, а при помощи разрыва причинных связей, осуществляемого удалением аффекта. Эти вытесненные связи, по-видимому, сохраняются в некоторой смутной форме (которую я везде сравниваю с entoptic (внутреннее зрение ?) перцепцией), (Zur Psychopathologie des Alltagslebens (1905), Tenth Edition, p. 287.) и затем перемещаются, посредством процесса проекции, во внешний мир, где они удостоверяют то, что было вычеркнуто из сознания.

Другая психическая потребность, которая также разделяется обсессивными невротиками и которая в некоторых отношениях родственна только что

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
упомянутой, есть потребность в неопределенности в их жизни, или в сомнении. Исследование этой характеристики ведет к глубокому изучению инстинкта. Создание неопределенности – один из способов, используемых невротом для отвлечения пациента от реальности и изоляции его от мира, которые являются одними из целей любого психоневротического расстройства. Очень и очень явными становятся усилия, предпринимаемые пациентами для того, чтобы быть способными избежать определенности и оставаться в сомнении. Некоторые из них, в самом деле, живо выражают эту тенденцию в нелюбви ко всякого рода часам (за то, что они, по крайней мере делают определенным дневное время) и в бессознательных изобретениях, которые они используют для того, чтобы обезвредить действие этих удаляющих сомнение устройств. Наш пациент развил особый талант для избегания знания о любом факте, который мог бы помочь ему в разрешении его конфликта. Так, он игнорировал проблемы, относящиеся к его даме, которые были наиболее релевантны вопросу женитьбы: он был мнимо неспособен сказать, кто ее оперировал, и была ли операция унилатеральной или билатеральной. Он был вовлечен в припоминание того, что он забыл и в нахождение того, что он проглядел.

Склонность обсессивных невротиков к неопределенности и сомнению приводит к тому, что предпочитаемыми предметами их мышления оказываются те, в отношении которых все человечество находится в состоянии неопределенности, и в отношении которых наши знания и суждения должны с необходимостью оставаться открытыми для сомнения. Основными предметами этого сорта являются происхождение по отцу, продолжительность жизни, жизнь после смерти и память, в отношении которых мы все находимся в состоянии верования, без наличия малейшей гарантии их истинности. (Как говорит Лихтенберг (Lichtenberg): “Астроном знает, населена ли луна или нет приблизительно с такой же степенью определенности, с которой он знает, кто был его отец, но не с такой большой, с какой он знает, кто была его мать.” Цивилизация сделала огромный шаг вперед, когда мужчины решили располагать свои заключения на одном уровне со своими чувственными свидетельствами и сделали шаг от матриархата к патриархату.(?) – Предисторические рисунки, на которых изображены меньшая персона на голове большей, репрезентируют происхождение по отцу; у Афины не было матери, она произошла из головы Зевса. Свидетель, который дает показания в пользу чего-либо перед судом, пока еще называется “Zeuge” [литературно, “отец”] в Германии, по роли, сыгранной мужчиной в акте произведения потомства; также, в иероглифическом письме слово “свидетель” изображается мужскими гениталиями.).

При обсессивных неврозах неопределенность памяти используется наиболее полно в пользу симптомообразования; и мы узнаем о прямой роли, играемой в актуальном содержании мыслей пациента вопросов о продолжительности жизни и жизни после смерти. Но в качестве подходящего перехода я сначала рассмотрю одну сверхъестественную особенность нашего пациента, на которую я уже ссылался, и которой, без сомнения, был озадачен более чем один из моих читателей.

Я говорю о всемогуществе, которое он приписывал своим мыслям, чувствам и желаниям, добрым или злым. Я должен допустить, что, бесспорно соблазнительно объявить эту идею бредовой и превышающей пределы обсессивных невротозов. Я, однако, наблюдал такое же убеждение у другого обсессивного пациента; и тот давно выздоровел и ведет нормальную жизнь. В самом деле, все обсессивные невротики ведут себя так, как будто они разделяют это убеждение. Нашей задачей будет пролить свет на переоценку этими пациентами их возможностей. Принимая, без дальнейших церемоний, что эта вера есть открытое подтверждение пережитка старой мегаломании детства мы приступим к опросу пациента на предмет поиска оснований его убеждения. В ответ, он приводит два случая. Когда он повторно прибыл в водолечебницу, где его расстройство облегло в первый и единственный раз, он попросил, чтобы ему дали его старую комнату из-за ее расположения, облегчающего его отношения с одной из сестер. Ему сказали, что комната уже занята старым профессором. Эта новость существенно ухудшала перспективы успешного лечения и он отреагировал на нее злой мыслью: “да чтоб его за это насмерть пристукнуло !” Через две недели он пробудился ото сна из-за того, что его потревожило представление о труп; и утром он услышал, что с профессором действительно случился удар, и он был переведен в свою комнату почти сразу же после того как проснулся. Второе переживание относилось к незамужней женщине, немолодой, хотя и с сильным желанием быть любимой, которая обращала на него большое внимание и однажды резко спросила его, не мог бы он ее полюбить. Он дал ей уклончивый ответ. Несколько днями позже он услышал, что она выбросилась из окна. Он затем стал упрекать себя и говорил

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
себе, что в его власти было спасти ее, дав ей его любовь. Таким образом он убедился во всемогуществе своей любви и своей ненависти. Не отрицая всемогущества любви, мы можем обратить внимание на то, что оба этих примера были связаны со смертью, и мы можем принять ясное объяснение, что как и другие обсессивные невротики, наш пациент был вынужден переоценить влияние своих враждебных чувств на внешний мир, потому что большая часть их внутреннего, психического влияния избегала его сознательного знания. Его любовь – или, скорее, его ненависть, была, на самом деле, сверхсильной; это именно они порождали обсессивные мысли, источник которых он не понимал и против которых он тщетно боролся, защищая себя. ((Additional Note, 1923.) – Всемогущество мыслей или, точнее говоря, желаний было до сих пор признано как существенный элемент психической жизни примитивных народов. (См. Тотем и Табу).)

Наш пациент имел весьма особенное отношение к вопросу смерти. Он выказывал глубочайшую симпатию по отношению к кому-либо, кто умирал и набожно посещал похороны; так что у своих братьев и сестер он заработал кличку “птица дурной приметы (bird of ill omen)”. (В оригинале “Leichenvogel”, литературно “трупная птица”. – Англ. пер.]). В своем воображении, также, он постоянно избавлялся от людей с тем, чтобы выразить свою сердечную симпатию лишившимся их родственникам. Смерть старшей сестры, которая произошла, когда ему было от трех до четырех лет, играла огромную роль в его фантазиях и была поставлена в тесную связь с его детским проступком того периода. Мы знаем, более того, какие в ранние годы мысли о смерти отца занимали его ум и мы можем расценить его болезнь саму по себе как реакцию на то событие, в отношении которого он чувствовал обсессивное желание пятнадцатью годами раньше. Странное расширение его обсессивных страхов на “следующий мир” было ничем другим, кроме как компенсацией за все эти пожелания смерти, которые он переживал по отношению к своему отцу. Оно появилось через 18 месяцев после смерти отца, в то время, когда его грусть по поводу потери оживилась и оно было предназначено – вопреки реальности и вопреки желанию, которое перед этим проявлялось в фантазиях любого типа – уничтожить факт смерти отца. У нас была возможность в нескольких местах перевести фразу “в следующем мире” словами “если бы мой отец был еще жив”.

Но поведение других обсессивных невротиков не сильно отличается от поведения нашего пациента, хотя бы даже судьба не сводила их лицом к лицу с феноменом смерти в такие ранние годы. Их мысли неуместно оказывались занятыми продолжительностью жизни других людей и возможностью смерти; их склонности к суеверию не имели, прежде всего, никакого иного содержания и, возможно, никакого другого источника. Но эти невротики нуждались в помощи возможности смерти главным образом потому, что она могла действовать как разрешение конфликтов, которые они оставляли неразрешенными. Их существенная черта такова, что они неспособны придти к решению, особенно в вопросах любви. Они пытаются откладывать любое решение и, в своих сомнениях, ради какого человека они примут решение или какие меры они предпримут против человека, они вынуждены выбирать для себя модель старых немецких судов, в которых процесс обычно подходил к концу прежде вынесения решения по причине смерти одной из сторон. Так, в каждом конфликте, который вторгается в их жизнь они находятся настороже смерти кого-то, кто важен для них, обычно кого-то, кого они любят – такого, как один из родителей, или конкурента, или одного из объектов их любви, между которыми колеблются их склонности. Но в этой точке наше обсуждение комплекса смерти при обсессивных неврозах затрагивает проблему инстинктивной жизни обсессивных невротиков. И к этой проблеме мы должны сейчас обратиться.

(в) Инстинктивная жизнь обсессивных невротиков и источник компульсий и сомнений

Если мы желаем приобрести понимание о взаимодействии психологических сил, которое создало этот невроз, мы должны снова обратиться к тому, что мы узнали от пациента по поводу причин, вызывавших его заболевание как при созревании так и в детстве. Он заболел на третьем десятке, столкнувшись с искушением жениться на женщине, вместо той, которую так долго любил; и он избегал разрешения этого конфликта, отложив все необходимые подготовительные мероприятия. Основание так поступить было предоставлено ему его неврозом. Его колебание между дамой, которую он любил и другой девушкой может быть редуцировано к конфликту между влиянием на него его отца и его любовью к своей даме или, другими словами, к конфликтному выбору между своим отцом и своим сексуальным объектом, таким, который уже

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org существовал (судя по его воспоминаниям и обсессивным идеям) в далеком его детстве. Всю свою жизнь он был очевидной жертвой конфликта любви и ненависти, как в отношении дамы, так и в отношении отца. Его фантазии мщения и такой обсессивный феномен, как его обсессия понимания и его обращение с камнем на дороге свидетельствуют о его дискордантных чувствах; и они были в определенной степени понятными и нормальными в отношении дамы в свете ее первоначального отказа и последующей холодности, дававших ему некоторое оправдание для враждебности. Но его отношения с отцом также находились под властью похожего разногласия чувств, как мы это видели исходя из нашего толкования его обсессивных мыслей; и его отец также должен был предоставить ему оправдание за враждебность в детстве, как и, в самом деле, мы оказались способны установить почти бесспорно. Его отношение к даме – сплав нежности и враждебности – достиг высокой степени в пределах возможностей его сознательного понимания; самое большее, он вводил себя в заблуждение относительно степени и силы своих негативных чувств. Но его враждебность к отцу, напротив, хотя однажды он остро осознал ее, с тех пор надолго скрылась от его знания и, только лишь наперекор ожесточеннейшему сопротивлению она смогла быть привнесена обратно в его сознание. Мы можем расценивать вытеснение его инфантильной ненависти к отцу как событие, которое поставило всю его последующую карьеру под власть невроза.

Чувственные конфликты нашего пациента, которые мы перечисляли отдельно, не были независимы друг от друга, но связаны попарно. Его ненависть к даме неизменно соединялась с преданностью отцу и, наоборот, ненависть к отцу – с привязанностью к даме. Но два чувственных конфликта, которые мы получили в результате этого упрощения – а, именно, противоположности между его отношением к отцу и его отношением к даме, и противоречия между любовью и ненавистью внутри каждого из этих отношений – не имеют никакой другой связи друг с другом, кроме как по их содержанию или по их источнику. Первый из этих двух конфликтов относится к нормальному колебанию между мужчиной и женщиной, которое характеризует выбор объекта любви для каждого. Это первое, к чему привлекается внимание ребенка освященным веками вопросом: “Кого ты любишь больше, папу или маму?” и это сопровождает его через всю его жизнь, какой бы не была относительная интенсивность его чувств к обоим полам или какой бы не была его сексуальная цель, на которой он в конце концов фиксируется. Но в норме эта оппозиция скоро теряет характер жесткого противоречия, неумолимого “либо”–“либо”. Для удовлетворения неравноценных требований обеих сторон находится место, хотя даже у нормального человека более высокая оценка одного пола контрастирует с обесцениванием другого.

Другой конфликт, между любовью и ненавистью, производит на нас впечатление более необычного. Мы знаем, что зарождающаяся любовь часто ощущается как ненависть и, что любовь, если она отрицает удовлетворение, может быть частично превращена в ненависть, а поэты рассказывают нам, что в наиболее страстных любовных фазах два противоположных чувства могут существовать рука об руку некоторое время, как бы соперничая друг с другом. Но хроническое сосуществование любви и ненависти, и направленное на одного человека и высочайшей интенсивности, не может не удивлять. Мы должны были бы ожидать, что страстная любовь давно бы победила ненависть или была бы поглощена ею. И, на самом деле, такое длительное выживание двух противоположностей возможно лишь только при вполне определенных психологических условиях и при сотрудничестве с бессознательной стороной. Любовь не достигает успеха в уничтожении ненависти, а, только лишь, в изгнании ее в бессознательное; а в бессознательном, ненависть, спасенная от опасности быть разрушенной сознанием, может существовать и даже расти. В таких условиях сознательная любовь достигает, как правило, путем реакции, особенно высокой степени интенсивности для того, чтобы быть достаточно сильной для вечной работы по удержанию своего оппонента под вытеснением. Необходимым условием для случая такого необычного положения дел в любовной жизни человека представляется следующее – в очень ранние годы, где-то в доисторическом периоде его детства, две противоположности должны были быть разделены и одна из них, обычно ненависть, должна быть вытеснена. (Сравните с дискуссией по этому поводу на одной из первых сессий (стр.10). – (Additional Note, 1923.) Блейлер (Bleuler) впоследствии ввел подходящий термин “амбивалентность” для описания такой эмоциональной констелляции.).

Если мы рассмотрим случаи анализа обсессивных невротиков, мы найдем, что невозможно избежать впечатления, что отношения между любовью и ненавистью такие, которые мы обнаружили у настоящего нашего пациента – среди наиболее часто встречающихся, наиболее заметных и, вероятно, таким образом, наиболее важных характеристик обсессивных неврозов. Но, хотя может оказаться

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
заманчивым поставить проблему “выбора невроза” в зависимости от инстинктивной жизни, существует достаточно причин, для избегания такого курса. Ибо мы должны помнить, что при каждом неврозе мы наталкиваемся на те же подавленные влечения за симптомами. К тому же, ненависть, удерживаемая в подавленном состоянии в бессознательном любовью, играет огромную роль в патогенезе паранойи и истерии. Мы знаем слишком мало о природе любви для того, чтобы быть в состоянии достигнуть здесь какого-либо определенного заключения; и, в частности, связь между негативным фактором (Alcibiades говорит словами Сократа в Symposium : “ Many a time have I wished that br were dead , and yet I know that I should be much more sorry than glad if be were to die : so that I am at my wits ' end ” [Jowett ' s Translation].) в любви и садистическими компонентами либидо остается совершенно неясной. Следующее, таким образом, можно расценить как не более, чем предварительное объяснение. Мы можем предположить тогда, что в случаях бессознательной ненависти, по поводу которой мы заинтересованы со стороны садистических компонентов любви, были, по конституциональным причинам, исключительно сильно развиты и, следовательно, подверглись преждевременному и слишком массивному вытеснению и, что невротический феномен, который мы здесь рассматриваем, вырос, с одной стороны, из сознательного чувства привязанности, которое было реактивно преувеличено и, с другой стороны, из садизма, удерживающегося в бессознательном в форме ненависти.

Но как-бы это примечательное отношение между любовью и ненавистью не было объяснено, его наличие, вне всякого сомнения, обосновано наблюдениями, изложенными в данной работе; и доставляет удовлетворение убедиться, насколько легко мы теперь можем следовать загадочным процессам обсессивного невроза, приводя их в отношение с этим фактором. Если интенсивная любовь противостоит почти равной по силе ненависти и, в то же самое время, неразрывно связана с ней, необходимым следствием определенно будет частичный паралич воли и неспособность прийти к решению по поводу любых из тех акций, которым любовь должна придавать побудительную силу. Но эта нерешительность не ограничивается только лишь одной ограниченной группой действий. Ибо, во-первых, какие из действий любовника лежат вне отношений с его ведущим мотивом? А, во-вторых, позиция мужчины в сексуальных вопросах имеет силу стереотипа, к которому склонны приспособляться остальные его реакции. И, в-третьих, неотъемлемой характеристикой психологии обсессивного невротика является склонность к наиболее полному использованию механизма смещения. Таким образом, паралич его способности к принятию решений постепенно распространяется на все поведения пациента.

И здесь мы наблюдаем доминирование компульсии и сомнения такие же, какие мы встречали в психической жизни обсессивных невротиков. Сомнение аналогично внутренним восприятием пациента своей собственной нерешительности, которая, вследствие замедления его любви его ненавистью, овладевает им в преддверии любого мотивированного действия. Сомнение - на самом деле есть сомнение в его собственной любви, которая должна быть самой определенной вещью его ума; а оно оказывается распространенным на все вообще и, особенно склонно смещаться на самое незначительное и тривиальное. (Сравните использование “представления банальным” как техники производства шуток. Freud , Der Witz (1905), Fourth Edition , p . 65.). Человек, который сомневается в своей любви, может или, скорее, должен сомневаться в любой мелочи. (Так , в любовных стихах Гамлета к Офелии : Doubt thou the stars are fire; Doubt that the sun doth move; Doubt thruth to be a liar; But never doubt I love.”).

Это то же сомнение, которое ведет пациента к неопределенности в его защитных мерах, и к его постоянному повторению их для того, чтобы изгнать эту неопределенность; и это то же сомнение, которое, в конечном счете влечет за собой то, что защитные действия пациента становятся невозможно завершить также, как и его исходно замедленную решительность в его любви. В начале моих исследований меня привело к предположению о другом и более общем источнике неопределенности обсессивных невротиков и тех, кто представляются более близкими к норме. Если, например, в то время как я пишу письмо, кто-то прерывает меня вопросом, я потом почувствую вполне законную неуверенность по поводу того, что могло оказаться ненаписанным из-за того, что меня прервали и, для уверенности я буду вынужден перечитать письмо после того, как его закончу. Таким же образом я могу предположить, что неуверенность обсессивных невротиков, когда они, например, молятся, обусловлена бессознательными фантазиями, которые постоянно смешиваются с их молитвами и прерывают их. Эта гипотеза корректна, но она может быть легко согласована с нашим более ранним утверждением. Верно, что неуверенность

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
обсессивных невротиков в том, помогают ли им защитные мероприятия, обусловлена прерывающим эффектом бессознательных фантазий; но содержание этих фантазий диктуется прямо противоположным импульсом – тем, который и был целью того, что молящийся хотел отвратить. Это очевидно было засвидетельствовано у нашего пациента в одном случае, когда прерывающий элемент не остался бессознательным, а проявился открыто. Словами, которые ему требовалось использовать в молитвах, были: “да защитит ее господь”, но враждебное “не” внезапно устремлялось из бессознательного и вставлялось в предложение; и он понимал, что это была попытка проклятия. Если “не” оставалось произнесенным, он находил себя в состоянии неопределенности и ему следовало продолжать молиться неопределенно долго. Но как только оно артикулировалось, он немедленно прекращал молитву. Перед тем, как поступать так, он, однако, как и другие обсессивные пациенты, пробовал различные способы для предотвращения проникновения противоположного чувства. Он, например, сокращал молитвы или произносил их быстрее. И, похожим образом, другие пациенты пытаются “изолировать” все такие защитные акты от других вещей. Но никакая из этих технических процедур не помогает надолго. Если импульс любви достигает какого-то успеха, смещаясь на некое тривиальное действие, импульс враждебности скоро последует за ним в его новую область и опять продолжит отменять все то, что было сделано.

И когда обсессивный пациент дотрагивается до слабого места в надежности нашей психической жизни – до недостоверности нашей памяти – его обнаружение позволяет ему расширить свои сомнения на все, даже на действия, которые уже были проделаны и которые так долго оставались без связи с комплексом любви-ненависти и было это давным-давно. Я могу припомнить случай с женщиной, которая только что купила расческу для своей маленькой дочери в магазине, и ставши подозрительной в отношении мужа, начала сомневаться в том, что не обладала ли она этой расческой давно. Говорила ли эта женщина не прямо: “Если я могу сомневаться в твоей любви” (и это было лишь проекцией ее сомнения в своей собственной любви), “тогда я могу сомневаться в этом тоже, тогда я могу сомневаться во всем” – таким образом свидетельствуя нам о скрывающем значении невротического сомнения?

С другой стороны, компульсия есть попытка компенсации сомнения и исправления непереносимого состояния заторможенности, о котором свидетельствует сомнение. Если пациент, при помощи смещения, достигает, наконец, успеха к приведению одного из своих заторможенных намерений к решению, то намерение должно быть доведено до конца. Верно, что это намерение не совпадает с первоначальным, но заблокированная энергия последнего не может упустить возможность найти выход для своей разрядки в замещающем действии. Так, эта энергия делает себя ощущаемой теперь в командах и в запрещениях соответственно тому, любовный импульс или враждебный захватывает контроль над путем, ведущим к разрядке. Если случается, что компульсивная команда не может быть исполнена, напряжение становится непереносимым и переживается пациентом в виде экстремальной тревоге. Но путь, ведущий к замещающему действию, даже если смещение было совершено на что-то незначительное, столь страстно оспаривается, что такое действие может быть завершено только в форме защитного мероприятия, тесно ассоциированного именно с тем импульсом, который оно должно отвратить.

Более того, посредством чего-то вроде регрессии подготовительные акты заменяют конечное решение, мышление заменяет действие, и, вместо замещающего действия некая мысль, предварительная ему, заявляет о себе со всей силой компульсии. Соответственно тому, является ли эта регрессия более или менее заметной, случай обсессивного невроза будет представлен характеристиками обсессивного мышления (обсессивными идеями) или обсессивного действия в более узком смысле слова. Истинные обсессивные действия, такие как эти, однако, становятся возможными только потому, что они устанавливают способ согласования в форме компромисса между двумя антагонистическими импульсами. У обсессивных действий имеется тенденция приближаться все больше и больше – и, по мере того, как длится расстройство, все более явным это становится – к инфантильным сексуальным действиям онанистического характера. Так при этой форме невроза любовные действия завершаются несмотря ни на что, но только при помощи нового вида регрессии; теперь такие действия больше не относятся к другому человеку, объекту любви или ненависти, но теперь это – аутоэротические действия, такие, какие встречаются в детстве.

Первый вид регрессии, тот который от действия к мышлению, облегчается другим фактором, связанным со становлением невроза. Истории обсессивных

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
пациентов почти всегда обнаруживают раннее развитие и преждевременное вытеснение сексуального влечения разглядывания и узнавания (скоптофилический и эпистемофилический инстинкт); и, насколько нам известно, часть инфантильной сексуальной активности пациента управлялась этим влечением. (Очень высокое среднее значение интеллектуального уровня обсессивных пациентов, вероятно также связано с этим фактом.).

Мы уже отмечали важную роль, которую играет садистический инстинктивный компонент в генезисе обсессивных неврозов. Там, где эпистемофилическое влечение является преобладающей чертой конституции обсессивного пациента, размышление становится основным симптомом невроза. Мыслительный процесс сам по себе становится сексуализированным, так что сексуальное удовольствие, которое в норме относится к содержанию, становится смещенным на сам по себе мыслительный акт, и удовольствие, извлекаемое от достижения завершения мысленной цепочки, переживается как сексуальное удовлетворение. При различных формах обсессивного невроза, в которых задействован эпистемофилический инстинкт, его отношение к мыслительным процессам делает его особенно хорошо адаптированным к привлечению энергии, которая тщательно пытается проложить путь по направлению к действию, и отклоняет ее в мыслительную сферу, где существует возможность получения приемлемого удовольствия другого сорта. На это пути, с помощью эпистемофилического влечения, замещающее действие может, в свою очередь, быть замещено подготовительными мысленными действиями. А промедление в действии скоро замещается замедлением в мышлении, и постепенно целый процесс, со всеми своими особенностями, переносится в новую сферу, также как в Америке целый дом иногда может быть перемещен с одного места на другое.

Я могу теперь отважиться, на основании предваряющего обсуждения и продолжительного поиска, определить психологические характеристики, которые придают плодам обсессивного невроза их "обсессивное" или компульсивное качество. Мыслительный процесс является обсессивным или компульсивным, когда, вследствие замедления (обусловленного конфликтом противоположных импульсов) на моторном окончании психического аппарата, он предпринимается с растратой энергии, которая (как в отношении количества, так и качества) в норме предназначена исключительно для действий; или, другими словами, обсессивным или компульсивным является такое мышление, функция которого заключается в регрессивном представлении действия. Никто, я полагаю, не оспорит моего предположения о том, что процессы мышления обыкновенно связаны (по экономическим причинам) с меньшими перемещениями энергии, вероятно, на более высоком уровне, чем действия, направленные на разрядку аффекта или на преобразование внешнего мира.

Обсессивная мысль, которая втиснулась в сознание с таким чрезмерным усилием в последующем должна быть защищена от усилий сознательного мышления по ее разгадке. Как мы уже знаем, эта защита предоставляется отклонением, которое обсессивная мысль предпринимает перед тем, как стать сознательной. Но это не только средство обеспечения. Дополнительно, каждая отдельная обсессивная идея почти неизменно удаляется из ситуации, в которой она зародилась и, в которой, несмотря на ее отклонение, она может быть легко понята. Глядя с этой стороны, прежде всего между патогенной ситуацией и обсессией, которая из нее выросла вставляется временной интервал для того, чтобы сбить с пути любое сознательное исследование ее причинных связей; а во вторую очередь содержание обсессии изымается из своего специфического контекста при помощи генерализации. Примером этого у нашего пациента является "обсессия понимания. Но, возможно, лучший пример предоставлен другим пациентом. Это была женщина, которая запрещала себе носить любой тип личных украшений, хотя побудительный мотив запрещения был связан лишь с одним определенным украшением: она завидовала своей матери за обладание им и надеялась, что однажды она унаследует его. Наконец, если мы позаботимся отделить вербальное отклонение от отклонения содержания, обнаружится еще одно средство, при помощи которого обсессия защищается от сознательных попыток разрешения. Это выбор неопределенного или двусмысленного словесного оформления. После запутывания формулировка может найти свой способ выражения в "бреде", и, какие бы последующие процессы развития или замещения не предпринимала его обсессия, она будет основана на недоразумении а не на правильном смысле. Наблюдение покажет, однако, что бред постоянно тендирует к образованию новых связей с той частью проблемы и выражения обсессии, которая не представлена в сознании. Я бы хотел вернуться назад к инстинктивной жизни невротиков и добавить еще одно замечание. Оказалось, что наш пациент, вкуче со всеми его остальными особенностями, был ренифлер (или осфресиоланьяк). По его собственным

Фрейд Зигмунд Случай Человека-крысы filosoff.org
словам, будучи ребенком, он узнавал каждого по его запаху, как собака; и даже когда он вырос, он оставался более чувствителен к запахам, чем большинство людей. (Я могу добавить, что в детстве он был подвержен сильному копрофилическому пристрастию.). Я встречал эту особенность у других невротиков, как у истерических, так и у obsessивных пациентов и узнал, что тенденция к осфресиолании, угасшей с возрастом, может играть роль в генезисе неврозов. (Например, при некоторых формах фетишизма.). И здесь я бы хотел поднять общий вопрос о том, а не принимала ли атрофия нюха (которая была неизбежным результатом приведения человека в положение прямохождения) и последующее органическое подавление его осфресиолании участие в его изначальной чувствительности к нервному расстройству. Это может предоставить нам некоторые объяснения того, почему по мере продвижения цивилизации именно сексуальной жизни уготовано стать жертвой подавления. Ибо мы имеем хорошо известную в организации животных тесную связь между сексуальным инстинктом и функцией обонятельного органа. Завершая эту работу, я могу выразить надежду, что, хотя мое сообщение является во всех отношениях неполным, оно может, по крайней мере, стимулировать других исследователей пролить больше света на obsessивные неврозы при помощи более глубокого изучения предмета. То, что характерно для этого невроза – то, что отделяет его от истерии – не находится в инстинктивной жизни, но в психологических отношениях. Я не могу оставить моего пациента без выражения в этой работе своего впечатления, что он был, так сказать, разделен на три личности: а именно, на одну бессознательную и две предсознательные, между которыми его сознание могло колебаться. Его бессознательное включало те из его импульсов, которые были подавлены в ранние годы и которые могут быть описаны как страстные или злобные. В своем нормальном состоянии он был добрым, веселым и чувствительным – просвещенный и превосходный человеческий тип, в то время как в своей третьей психологической организации он платил дань суеверию и аскетизму. Так он был способен иметь три разных группы убеждений и три разных взгляда на жизнь. Эта вторая предсознательная личность содержала, главным образом, реактивные образования против его вытесненных желаний, и легко было предвидеть, что она должна была бы поглотить нормальную личность, если бы болезнь продлилась намного дольше. Сейчас у меня есть возможность изучить даму, тяжело страдающую от obsessивных актов. Она сходным образом разделена на беспечно-веселую и живую личность и на чрезвычайно мрачную и аскетичную. Первую из них она использует как официальное Ego, в то время как на самом деле, она находится под властью второй. Обе эти психические организации имеют доступ в ее сознание, но сзади ее аскетической личности можно различить бессознательную часть ее бытия – почти неизвестную ей и составленную из старых и долго вытесняемых конативных импульсов. ((Additional Note, 1923.) – Психическое здоровье пациента было возвращено ему при помощи анализа, который я изложил на этих страницах. Как и многие другие стоящие и обещающие молодые люди, он погиб на Великой Войне.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!